

*Горианские истории*  
**ЛИНА ЛЮЧЕ**

На самой глубине

**НЕБА**

Горианские истории

Лина Люче

**На самой глубине неба**

«Aegitas»

2020

УДК 821.161.1  
ББК 84(2=411.2)6

**Люче Л.**

На самой глубине неба / Л. Люче — «Aegitas»,  
2020 — (Горианские истории)

ISBN 978-0-3694-0443-5

В рамках эксперимента телепатическая планета «Горра» забирает к себе сирот-землян и дает им любящую семью в обмен на обещание вступить в брак. Восемнадцатилетняя Сафира, увлеченная дайвингом, оказывается не готова к помолвке с властным крылатым горианцем, и с первого дня начинает яростно сопротивляться. Чем невольно провоцирует своего жениха, который, кажется, всерьез разозлился и вознамерился запретить ей то, что она любит больше всего – море. Четвертый роман серии «Горианские истории», жанры: романтика, фэнтези с инопланетянами.

УДК 821.161.1  
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-0-3694-0443-5

© Люче Л., 2020  
© Aegitas, 2020

# Содержание

Наикратчайшее предисловие	6
Пролог	7
Первая часть	8
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	47

# **Лина Люче**

## **На самой глубине неба**

© Лина Люче, 2020

© Издательство «Aegitas», 2021

## **Наикратчайшее предисловие**

Дорогие читатели! Это четвертый роман в серии "Горианские истории". Если эта книга попала к вам первой, очередность книг в серии не должна вас беспокоить. Специально для вас я делаю каждую книгу отдельной по сюжету и полностью завершенной. Если вы заинтересуетесь миром "Горианских историй", то сможете прочитать мои книги, начиная с первого романа – «Крылья для землянки».

Традиционное большое спасибо за помощь редактору Пуговке, а также всем моим старым и новым читателям, которые начинали читать роман по главам и писали отзывы, чем вдохновили меня сделать этот текст еще интереснее и, конечно, дали много сил для работы! Каждый отзыв важен для меня, я буду очень рада узнать и ваше мнение по итогам чтения!

## Пролог

Южное море, теплое и ласковое на излете лета. Отдаленные крики морских птиц и еще более отдаленные – купающихся детей, приятный шум прибоя. Девушка в одном только купальнике, без снаряжения, ныряет с борта плоской спортивной лодки. Следом погружается юноша в полном обмундировании ныряльщика. И оба сразу уходят на глубину, недоступную простым купающимся. Под водой тихо, словно весь мир замирает на эти минуты.

Сафира сначала просто несется в глубину, не думая ни о чем. Мысли тоже отнимают энергию, а мозг, лишенный кислорода, нуждается в полном покое. Лишь мельком она взглядывает на прибор на запястье, похожий на часы, но это не часы, а глубиномер. Она позволяет себе лишь одну мысль, о цифре, отраженной на циферблате – шестьдесят семь. Значит, еще три метра – и назад. Погружаться больше семидесяти метров ей опасно, а она не сумасшедшая фанатичка, способная рискнуть жизнью ради очередного личного рекорда.

Море обожает фанатиков, часто повторял ей тренер, когда она была еще совсем ребенком, потому-то частенько и забирает их навсегда. Теперь она уже не дитя и разъяснения не нужны – все правила безопасности давно понятны и она неукоснительно их соблюдает: рекорды на время ставят на поверхности, а погружения в глубину делают на семьдесят процентов возможностей – и ни процентом больше.

Разумеется, если вдруг случится «блэк-аут», если мозг отключится, и она потеряет сознание, Фемир подхватит, вытащит, и, скорее всего, откачает. Затем он и плывет рядом с баллоном. Она оказывала ему ту же услугу во время его тренировки – почти все дайверы, практикующие телепатический дайвинг, занимались в парах. За исключением тех, кто практиковал тройки для экономии времени: два занимающихся, один страхующий. Но это, конечно, более рискованно и дайверам-любителям не разрешалось.

Кроме того, страхующий помогал и телепатически, синхронно входя в такой же транс и поддерживая это состояние у ныряющего за счет обмена эмоциями. Ничего лучше этого Сафира в жизни не испытывала. Иногда в Федерации спортсменов Горры даже возникали жестокие дискуссии о том, не является ли телепатический дайвинг формой наркомании, порождающей нездоровую зависимость и приводящую к сокращению продолжительности жизни.

Но последнее пока никто не доказал, а страстная влюбленность в спорт, как известно, присуща почти всем, кто им регулярно занимается, так что дайверы лишь фыркали и пожимали плечами в ответ на все обвинения. К тому же на их защиту всегда вставали ученые, изучающие телепатию и неизменно открывающие все новые оттенки трансовых состояний с помощью опытных дайверов.

Несколько раз подруги, никогда не занимавшиеся спортом, спрашивали Сафиру, что в этом такого особенного, но описать всех ощущений словами она никак не могла. Это состояние абсолютного покоя, смешанного с восторгом. Это взрыв противоположных приятных эмоций, например, вселенского умиротворения наравне с желанием жить, плыть, чувствовать прохладу воды, омывающей все тело, такой живительной, что кажется: ей можно дышать. Иногда Сафире даже казалось, что она и правда дышит с задержанным дыханием – не легкими, но всей кожей, всем телом и даже чем-то большим, чем тело – возможно, под водой жила и дышала ее душа.

На поверхность она вынырнула счастливой, словно рожденной заново и буквально готовой начать новую жизнь. В каком-то смысле новая жизнь и ждала ее – приятная, волнующая и полная восхитительных приключений. И только сходя на берег, Сафира почувствовала нечто, напоминающее отдаленный дискомфорт. Что, если все это слишком хорошо, чтобы быть правдой?

# Первая часть

## Глава 1

Восемнадцатый день ее рождения, который начался с утренней тренировки в море, выдался просто замечательным. Сафира была счастлива, оставляя за плечами тяжелый во многих смыслах год. Закончив школу прошлой весной, она не сумела сразу поступить в морскую академию, о которой так долго мечтала, провалила экзамены и едва не погрузилась в депрессию. Но благодаря поддержке родителей и друзей, все же смогла перебороть себя и начать работать снова – чтобы сдать экзамены через год.

Те три недели, что они длились, отняли у нее, возможно, столько же нервов, сколько переезд на Горру с Земли десять лет назад. Многие вузы требовали от абитуриентов умений только одного типа: например, в спортивную академию сдавали только спортивные дисциплины и мало кого волновали твои достижения в области телепатии. Будь ты хоть первоклашка с базовым слабым уровнем – главное, быстро бегать и ловко летать.

Для поступления в высшую школу телепатии, где учился ее старший брат, наоборот, требовалось показывать только телепатические умения. А если бы она выбрала академию права или истории, университет космологии или межпланетной политики, то к экзамену нужно было бы готовиться только за книгами, чтобы продемонстрировать впечатляющую эрудицию и глубокие познания в нужной области.

В морской академии комплекс вступительных экзаменов сделали, пожалуй, самым сложным и разноплановым на всей планете. Первые два испытания включали соревнование между абитуриентами по плаванию и нырянию, затем нужно было сдать многочасовой экзамен по истории морских исследований на разных планетах, и, наконец – экзамен по телепатии. Который она и завалила в прошлом году, что было до слез обидно – на остальных испытаниях она входила в десятку лучших.

Но за год ей удалось немного подтянуть уровень – на достаточную планку для поступления, и вот теперь ее мечта сбылась, а будущее выделось почти безоблачным. Сафира эс-Авака наконец-то стала студенткой! Уведомление вот уже три дня лежало в почтовом ящике ее коммуникатора, а она все не могла успокоиться.

"Я – студентка морской академии Шейехара, – с гордостью сообщала она воображаемым собеседникам каждую свободную минуту, оставаясь наедине в своей спальне. – А вы где учитесь?"

Она так глубоко погрузилась в свои радостные мысли и фантазии, что едва не забыла о собственном празднике, благо, мама напомнила, что пора переодеваться и встречать гостей на лужайке за домом.

– Мам, я тебя так люблю, – порывисто сообщила Сафира, крепко обнимая свою приемную мать, которая даже сейчас оставалась на голову выше нее.

– Тише, тише, не сломай мне крылья, – с улыбкой сказала горианка, осторожно отстраняя девушку, чтобы заглянуть в сияющее лицо. – Видишь, я же говорила, что ты обязательно поступишь. Я тоже очень люблю тебя, милая. И горжусь тобой.

Сафира покачала головой, поражаясь тому, что Авлина эс-Авака в очередной раз проявила больше веры в нее, чем она сама.

– У меня никогда не было бы лучшей мамы, чем ты, – прошептала она, внезапно расчувствовавшись, глядя в загорелое лицо женщины, которая еще десять лет назад была для нее совершенной незнакомкой, к тому же абсолютно чужой и непохожей ни на кого, кого она знала прежде.

То, что Сафира в семье не была родной, ни от кого бы не укрылось: ее внешность слишком сильно отличалась и от того, как выглядела высокая смуглая Авлина, и ее сероволосый и сероглазый муж, средний горианец по внешности. Но они оба приложили огромные усилия к тому, чтобы стать родными для нее – и преуспели в этом. И даже не столько Ланиш, по специальности психолог и ее официальный опекун, сколько именно Авлина, добрая, внимательная, бесконечно терпеливая и очень спокойная.

Что бы ни случилось в семье, она, прежде всего, усаживала всех за стол в гостиной и наливала чая с чем-нибудь вкусным, а уж потом разрешала обсуждать проблемы.

Прилетев с Земли в восемь лет, в прошлом воспитанница детского дома, Сафира стала младшим и самым диким ребенком из трех. Вспоминая детство, она понимала, что в первый год ее приемные родители проявили чудеса терпения, спокойно реагируя на ее выходки, методично вылечивая ее психотравмы. Ее очень долго не наказывали даже за специально сломанные вещи старшей сестры, которой она втайне завидовала, ни за прогулы в школе, ни за дерзости. Ей позволили самой сделать выбор насчет крыльев, и когда она отказалась от пересадки, никто не стал давить, хотя вся семья была крылатой.

Но Сафире крылья были ни к чему – она обожала плавать и мечтала заниматься дайвингом, а совместить полеты с погружениями в морскую глубину не выйдет, объяснили ей родители. Крылья, которые пересаживают людям, адаптированы к воде ровно настолько, чтобы выдержать случайные намокания, но никак не регулярное плавание.

А их очистка от осевшей на перьях соли после погружения в морскую воду стоила бы столько же, сколько аренда личного транспортера на месяц. Одним словом, любой крылатый горианец счел бы более разумным использовать последнюю модель коммуникатора вместо молотка, нежели рискнуть своими крыльями ради удовольствия исследовать морские глубины, пусть даже раз в жизни, не говоря уже о постоянных погружениях.

А Сафира планировала нырять постоянно, и каждую неделю она летала в Шейхар, чтобы заниматься там на морском берегу с утра до вечера.

Постепенно, годам к двенадцати, она перестала быть дикаркой и превратилась в настоящую горианку. Акцент в речи сгладился, бунты прекратились, телепатический уровень выровнялся и теперь ее выдавала только внешность.

Сафира навсегда осталась чуть более хрупкой, чем другие горианки, с ростом ниже среднего и необычным лицом. Светло-русый цвет ее волос привлекал так много взглядов, что она перекрасилась в синий. Но даже это не сделало ее лицо горианским: выдавали и карие глаза, и форма носа, и уши, и более светлая, чем у горианцев, кожа.

Как и другие земляне, она иногда сталкивалась с тем, что горианцы посматривали на нее сверху вниз не только из-за разницы в росте, но Авлина смогла так смягчить ее эмоции по этому поводу, что Сафира почти не тревожилась.

Когда она впервые столкнулась с таким отношением, еще ребенком, горианка налила ей чаю и долго невозмутимо объясняла, что любые различия между людьми могут порождать подобное отношение. И это может касаться не только землян, но и женщин, страдающих от высокомерия мужчин, и бескрылых горианцев, которым достается от крылатых, и слабых телепатов, которых порой третируют заносчивые высшие.

"Такие эмоции к тем, кто якобы хуже, проявляют в основном неуверенные в себе люди", – мягко пояснила Авлина. По ее словам выходило, что и расстраиваться по этому поводу не стоит, а нужно, наоборот, радоваться, что такие ущербные эмоционально люди сами избегают общения.

С тех пор Сафира больше не расстраивалась, а просто игнорировала всех, кто обсуждал тему неравенства. И даже когда переселение людей превратилось из эксперимента в полноценную программу и на Горре сформировалось серьезное политическое движение против сотруд-

ничества с Землей, она по-прежнему не вступала ни в какие дискуссии в школе и отказывалась от каких-либо выступлений в прессе. Сафира совершенно не интересовалась политикой.

Все, чего ей хотелось – нырять и изучать море, и стать исследователем после учебы. Только она никак не могла решить, что ее интересует больше: исследование морских глубин или возможностей своего тела – например, погружение без аппаратуры с долгой задержкой дыхания за счет состояния телепатического транса. И то и другое манило острым вкусом адреналина и тонким ароматом неизведанного.

На ее день рождения пришли пятеро самых близких друзей – Фемир и еще один мальчик-дайвер, три девочки, с которыми Сафира училась в школе. Две из них уже были замужем.

Наблюдать за успешной работой программы помолвок на примере своих знакомых было интересно: буквально пару раз встретившись, жених и невеста едва ли не сходили с ума друг от друга. Сбоев практически не наблюдалось, и почти все девочки-горианки с самого юного возраста мечтали получить уведомление.

Вот только не всем сразу находилось соответствие – Сафира знала, что некоторым горианкам приходилось лет до двадцати пяти ждать первого подбора, а иногда и дольше, хотя такое случалось действительно редко. Подбор пары программа проводила по запросу мужчины, готового к браку, при этом сверялась масса параметров, которые собирали чуть ли не с рождения каждого мальчика и девочки.

Основные данные в систему заводили психологи, проводившие обязательные собеседования в школе – не меньше трех за время учебы. Другую информацию люди предоставляли сами – система время от времени присылала всем анкеты, дополнительные вопросы и даже творческие задания, которые требовалось выполнять. И, несмотря на то, что это требовало времени, большинство горианцев предпочитали сотрудничать – мало кто из них полагался на собственную удачу и узкий круг общения в деле поиска партнера на всю жизнь.

Обсуждения любимой темы не затухали даже между замужними девушками, особенно когда рядом сидели две подруги, еще не получившие уведомления. И когда мальчишки отошли в сторону, увлеченные обсуждением новых моделей оборудования для дайвинга, Сафире пришлось остаться с девочками и выслушать целое море советов о том, как еще быстрее получить предложение из системы.

– А ты заполняла дополнительные анкеты? Они не все присылают за раз, надо постоянно заходить и скачивать все обновления, – советовала одна из замужних бывших одноклассниц.

– Кстати, Сафира, ты высылала им творческую работу о символе твоих идеальных отношений? – вторила другая.

– Э-мм. Возможно, нет, – призналась она.

– Как? Это же тоже важно, ты что? – закричали едва ли не все трое хором, и Сафира с улыбкой пожала плечами:

– По правде, я не высылала им никаких творческих работ вообще.

В наступившей за праздничным столом тишине она поняла, что зря проговорилась. Удавалось же ей в школе избегать этой темы, зачем же сказала сейчас?

– А анкеты? – тихо спросила Лекка, которая была на год старше, но тоже еще не получала ни одного предложения.

– Не все.

Соврать под тремя внимательными взглядами теперь было бы невозможно – прямую ложь почувствовал бы любой телепат, даже самый слабый.

– Почему? – еще тише спросила другая девушка, даже опустив на стол приборы, словно от шока внезапно утратила аппетит.

Сафира внимательно осмотрела удивленные лица, внезапно ощутив нечто, вроде приступа ужаса под названием "наверное-со-мной-что-то-не-так".

– Может, я просто не хочу замуж?

Попрощавшись с подругами вечером, Сафира нашла в себе силы лишь для того, чтобы принять душ и выйти в гостиную в пижаме, чтобы выпить чашку чаю на ночь.

Авлина к тому времени уже легла спать, и ей встретился только Ланиш, поздно вернувшийся с работы.

– С днем рождения, милая. Ты выглядишь уставшей.

– Ты бы тоже выглядел уставшим, если бы тебя три подруги в течение трех часов убеждали срочно выйти замуж, – сказала она, забираясь с ногами на диванчик.

– Ты не обязана хотеть того же, что и другие. Но, судя по твоему состоянию, дело не только в этом.

– А в чем же еще? – хмыкнула Сафира. – погоди.

Она потянулась за коммуникатором, звякнувшим новым уведомлением. Готовясь получить еще одно поздравление, она с улыбкой открыла сообщение, но по мере того, как она читала, улыбка сползала с лица.

"Уведомление от планетарной системы поиска пары. Вы получили предложение о помолвке от абонента... "информация закрыта". Вам надлежит ответить в течение семи дней, начиная с дня получения этого сообщения, по следующему номеру..."

На мгновение ей даже показалось, будто она ослепла, а затем перехватило поочередно грудь и горло.

– Сафира, ты в порядке? – требовательно спросил Ланиш, телепатический уровень которого позволил с легкостью ощутить скачок в ее эмоции.

– Пап, – выдавила она, поднимая на него глаза, полные ужаса и протягивая дрожащей рукой коммуникатор. – Это что... это что, шутка?

\* \* \*

Сафира сумела немного успокоиться только глубокой ночью, после обстоятельного разговора с отцом. Но счастье последних трех дней было безнадежно разрушено. Жених отнимет кучу времени. Вместо того чтобы учиться, в следующие два месяца ей придется постоянно летать на свидания. Неизвестно, сколько вообще свободного времени у нее при этом останется. Возможно, что не останется вообще. А она так мечтала оставаться с ночевками в Шейхаре, чтобы участвовать в ночных погружениях. Все летит в черную дыру. Из-за какого-то горианца, который неведомо каким боком вдруг ей "подошел" ни с того, ни с сего...

А больше всего ее беспокоило, что к жениху, по правилам горианской помолвки, перейдет пре-сезариат от ее приемного отца. Этот важнейший институт горианского права унаследовал обязательную опеку над каждым жителем планеты другого жителя – близкого человека, превосходящего по телепатическому уровню, старшего по возрасту и статусу. Опекун несет частичную ответственность за подопечного, имел права давать обязательные для него указания и даже наказывать за проступки. По древней традиции в помолвке пре-сезариат над женщиной всегда принадлежал жениху, а в браке – мужу.

И это означает, что незнакомец сможет помыкать ею... то есть, разумеется, не сможет. Но наверняка попытается – и ей придется потратить кучу энергии, чтобы противостоять этому. Проворочавшись до утра, но так и не поспав ни часа, Сафира вышла к завтраку с таким мрачным лицом, что Авлина замерла на месте с кувшином молока в руке.

– Что...

– Вот, – прервала ее Сафира, запустив по столу коммуникатор в ее сторону. Авлина успела поставить кувшин и поймать скользкий прибор, хотя Сафира, в принципе, не имела ничего против того, чтобы он разбился. Если бы только это помогло стереть дурацкое сообщение, которое пришло из системы так некстати. Тяжело вздохнув, она налила себе сока, дожи-

даясь, пока мать ознакомится с новостями. Но, вопреки ее ожиданиям, в эмоциях горианки не отразилось ни малейшего следа тревоги.

– Тебя беспокоит, что информация закрыта? – мягко спросила ее мать, без видимого волнения ознакомившись с уведомлением о помолвке дочери.

Сафира ошеломленно подняла глаза, только в этот момент сообразив, что Авлина думает так же, как и ее подруги. Помолвка в понимании ее матери, счастливо прожившей с мужем уже лет тридцать – величайшее благо, которое может достигнуть девушку, ни больше, ни меньше. Все остальное в жизни горианки весьма вторично, включая работу, учебу и увлечения.

Открыв и тут же захлопнув рот, так и не произнеся ни слова, Сафира принялась за завтрак. Она рассказала Ланишу о своих страхах накануне, и он немного ослабил накал эмоций, но большего успеха вряд ли стоило ожидать, поэтому повторять не хотелось.

– Милая? Ты переживаешь, что не можешь отказаться? – чуть тише спросила Авлина. Ее эмоции поменялись, и понимания в голосе прибавилось. Сафира прерывисто вздохнула. Право отказаться от заключения помолвки неотъемлемо принадлежало каждой горианке, хотя им пользовались крайне редко, тем более – вслепую. Но у нее такого права не было – из-за программы по переселению землян, весь смысл которой заключался в браках и совместных с горианцами детях.

К счастью, принудить к слиянию ее никто не мог, но два месяца помолвки она обязана вытерпеть. И только по истечению этого срока Сафира могла расторгнуть помолвку... как и ее жених.

– Ты что, не понимаешь? – тихим злым шепотом спросила она. – Это не меня ему подобрали, а его – мне. И его так же, как меня, поставили перед фактом.

– Но вы ведь подходите друг другу.

– И что с того, если он мне не нужен? Да и я ему наверняка – тоже. Еще и информацию закрывают, как нарочно, как издеваются... иди с ним на свидание вслепую. Я даже не знаю, как одеваться: ему двадцать пять или восемьдесят? – кипела Сафира.

– Ему не двадцать пять. И вряд ли даже меньше сорока, – возразила Авлина.

– Откуда ты знаешь?

– Информацию закрывают, если это кто-то, приближенный к Величайшему, или известный человек, из уважения. И для того, чтобы это не влияло на выбор. Такие люди не бывают слишком молоды и бестолковы.

Расслышав в эмоциях матери улыбку, Сафира пришла в еще большую ярость:

– Но у меня нет выбора, верно? Чему же радоваться?

– Сафи, это хороший жених. Многие девушки только мечтают о таком предложении.

– Но я-то – нет.

Они надолго замолчали. Отчаявшись что-либо объяснить Авлине, Сафира молча смотрела на свой стакан молока. Есть ничего не хотелось, спать она не могла.

– Ладно, дай коммуникатор, я отвечу, – вздохнула она, не видя никакого смысла растягивать эту пытку.

Встречу ей назначили одним предложением – вечером, в скальном парке в самом центре столицы. Альтернативы не предполагалось, ее также не спрашивали, может она туда явиться или нет. Сафира покраснела. Кем бы ни был ее жених, он явно привык, чтобы ему подчинялись с полуслова. И, похоже, он думал, что у нее есть крылья. По ее губам скользнула холодная улыбка: что ж, эсте незнакомец, ваш ждет неприятный сюрприз.

Чтобы не беспокоить отца, она вызвала переносчика. Она все еще испытывала неловкость за вчерашнее: пожалуй, сила ее испуга стала сюрпризом даже для нее самой, и Ланиш потратил немало времени, чтобы успокоить ее. Возможно, он даже считал, что дочь превратилась в паникершу – конечно, он такого никогда ей не скажет, но все же... ей ни на кого не хотелось бы производить подобного впечатления, даже на отца.

Одеться на свидание Сафира постаралась максимально просто – ей совершенно не хотелось завлекать и соблазнять жениха, наоборот. Пусть увидит, что она дурнушка, тем более что ее внешность и в самом деле никогда не привлекала мужские взгляды, если не считать любопытных, пока горианцы не насмотрелись на землянок.

Но сейчас, когда на Горру постепенно привозили все больше детей с Земли и даже пару десятков взрослых девушек, они постепенно перестали быть такой уж диковиной, по крайней мере, в столице с населением чуть больше ста тысяч. Что, правда, не делало их автоматически всеобщими любимчиками.

В обществе укоренились убеждения, что земляне безнравственны, склонны к совершению правонарушений и даже несколько безумны. Многие искренне верили в это и яростно протестовали против переселения – даже несмотря на то, что Горра все глубже погрязала в эпидемии генетических заболеваний, а смешение крови все еще оставалось единственным решением.

"Интересно, что больше шокирует его в моей внешности: низкий рост, короткая стрижка или отсутствие крыльев?" – размышляла она, когда шла к месту встречи по центральной аллее парка, подавляя желание каждую минуту сверяться с картой на коммуникаторе и все больше с каждой минутой краснея от взглядов. Похоже, она все же недооценила любопытство горианцев – бескрылые землянки в этом парке, рассчитанном в основном на крылатых, все еще попадались редко.

Пару раз она свернула не туда и на третий, задумавшись, шагнула на крутую взлетную площадку, идущую под углом вниз, к обрыву. Заглянув в бездну, Сафира с колотящимся сердцем повернула назад и поймала на себе обеспокоенный взгляд молодого крылатого горианца:

– Эста, вы в порядке? – спросил он, поддержав ее за локоть.

– Да. Я... заблудилась.

– Куда вам нужно? – с вежливой телепатической улыбкой осведомился парень, и у Сафиры на секунду екнуло сердце: ей показалось, что над ней смеются.

– Я сама дойду, спасибо, – сказала она, стараясь не показать негативных эмоций, но зная, что парень наверняка все считал: ее уровень не превышал средний – и то, это был такой женский средний, то, что в мужских школах называют слабым. Она еле-еле натренировала нужные навыки к экзаменам и уже испытывала легкий мандраж при мысли о том, что не сможет освоить всю программу по телепатическому курсу.

Иногда ее настигал синдром самозванки: словно все горианское было чуждым, и тогда казалось, что ее взяли сюда по ошибке. Она не хотела ни крыльев, ни телепатии, ни этой помолвки.

А нырять она и на Земле могла бы... теоретически. В реальности, конечно, ей крупно повезло вырваться из сети ужасных сиротских учреждений, из серых стен и беспросветной тоски. Вряд ли там она хоть раз увидела бы море. Вряд ли ее воли хватило бы на это и после выхода из приюта. Скорее она сломалась бы задолго до того, как ей исполнилось бы восемнадцать.

Горианцы сделали ей большое одолжение и теперь ей надо вернуть долг – всего два месяца помолвки, всего и дел, что каждый день ходить на свидания. Почему же это представляло таким ужасным и мучительным?

– Тебя зовут Сафира?

Вздрыгнув всем телом, когда в ее размышления вторгся глубокий, низкий, не очень дружелюбно прозвучавший мужской голос, назвавший ее имя, Сафира замерла, как вкопанная. Только теперь она обнаружила, что некто очень большой пересек ей дорогу и теперь стоял на расстоянии вытянутой руки, ожидая ответа. Хотя не потрудился даже поздороваться.

– Эсте эс-Мыйя? – тихим голосом спросила она, едва подняв взгляд. Ее глаза расширились, а щеки непроизвольно покраснели.

Тот, кто, по всей видимости, был ее женихом, надел на свидание нечто совершенно не выделяющееся – самые обычные штаны для полетов с кучей застегивающихся карманов, простую белую рубашку. Но она бы ни с кем не спутала его в любой одежде. Льюча эс-Мыйя. Она прекрасно его знала... как и вся Горра. Звезда ежегодных планетарных турниров по борьбе, вице-глава Службы охраны Сезариата, мечта всех одиноких горианок в возрасте от двенадцати до двухсот, хоть и не красавец на ее вкус. И слишком здоровенный для нее.

Великий Космос, это будет еще хуже, чем она ожидала: что может быть отвратительнее, чем выступать в роли нежеланной невесты-дурнушки для такого вот героя всех романов сразу? Окружающие уже пялились на них. Точнее на него, но по ней тоже скользили любопытными взглядами – а потом те, кто сходу мог разглядеть в ней землянку, разглядывали их с удвоенным любопытством.

На какое-то время Сафира окоченела. Ей хотелось извиниться перед ним, развернуться и бежать, хоть она и понимала, что ни в чем не виновата и бежать-то некуда. Его заставили через это пройти, как и ее. Какая ужасная, нелепая ситуация. Газетчики скоро узнают об этой помолвке, и над ней будет смеяться вся Горра, особенно когда он расторгнет ее. Таких людей, как он, не должны были заставлять заключать помолвку...

– У тебя нет крыльев, – донеслось до нее после того, как он дважды пробежался взглядом по ней взглядом.

– А у тебя паразитическое зрение.

Она отреагировала инстинктивно. В школе многие страдали от ее острого языка, и пару раз учителя, посмеиваясь, советовали ей придержать его на время помолвки. Но Сафира не собиралась в чем-либо себя ограничивать – ни тогда, ни сейчас. Еще в раннем детстве она усвоила, что уступать людям очень опасно, особенно сильным. Особенно в таком уязвимом положении, как у нее сейчас.

– Придержи язык, землянка. Я не в настроении.

– Я тоже, и что?

Посмотреть ему в глаза было делом принципа – и Сафира не удивилась, когда провалилась в увод, хотя сердце замерло. Весь мир вокруг вспыхнул и исчез.

Умение уводить, которым владел почти каждый горианец-телепат, предполагало полный контроль над сознанием уведенного, для которого воссоздавалась иллюзорная параллельная реальность – иногда уводили в то же место, создавая его копию, иногда – в другое, и это зависело лишь от желания уводящего. Уводы, для которых требовался лишь высокий телепатический уровень и контакт глаз, использовали для разных целей: как симулятор при обучении, как способ избавиться от неприятных ощущений на время сканирования и даже как обезболивание в медицине. Но в данный момент, очевидно, ее новоиспеченный жених использовал его главным образом для того, чтобы продемонстрировать свою власть и телепатическое превосходство.

Прежде, чем она могла опомниться, тяжелая горячая ладонь легла на ее шею и развернула – так, что она оказалась с ним нос к носу. Когда пространство вокруг стабилизировалось, Сафира нашла себя в искусственно сконструированном для увода помещении неопределенного вида, со скудной мебелировкой – всего пара лавок, на одну из которых сел Льюча, поставив ее между своих широко расставленных ног. Его ладонь все еще лежала на ее шее, не столько надавливая, сколько просто нервируя. Как и его близость в целом.

Как-то чересчур близко оказался ершик очень коротких, по-военному постриженных волос, большие серые глаза и жесткие плотно сомкнутые губы. Он сел, разумеется, чтобы более-менее сровнять рост и напугать своим взглядом на минимальном расстоянии. Агрессивно, подумала она. Действительно напрягает.

– С головой дружим через день, да? У меня пре-сезариат, – заметил он. – И еще, о чем не все знают: у меня дрянной характер. И тебе с этим два месяца жить.

– Ты такой страшный, даже хуже, чем на экране. У меня уже дрожат колени, – фыркнула она, дернув головой, чтобы отстраниться от его ладони, которая словно разогревалась с каждой секундой все больше. Ее щеки постепенно стремительно заливались краской, а эмоции смущением – Сафира была совсем не так уверена в себе, как хотела бы это представить.

Но эс-Мыйя, похоже, не принадлежал к числу тех, кто любит долго сличать слова и телепатические эмоциональные сигналы, поэтому он среагировал на то, что она произнесла, и принял вызов.

– Я предупреждал, – сухо ответил он и каким-то неуловимым движением выкрутил ей руку, заставив лечь на его колени лицом вниз.

– Ты не имеешь права! Я ничего не сделала! – завопила она, отчаянно сопротивляясь. От чего, впрочем, не было никакого толку. Сафира и предположить не могла, что он пойдет на такое на вторую минуту знакомства. Не говоря уж о том, что у него не было никакого повода наказывать ее.

– Я тебя пока не трогаю, маленькая. Вот сейчас найду что-нибудь на скане, тогда и повеселимся, – ровным голосом сообщил он, удерживая ее на своих коленях.

Из ее груди вырвался нервный смешок. Так вот оно что – он сканирует ее и надеется найти там школьные поцелуи, в которых, следуя строгим горианским традициям, можно было уличить едва ли не каждую невесту на планете. Только за это нормальные горианцы уже давно не наказывали своих невест. Кроме совсем чокнутых ретроградов...

– Хочешь отомстить мне за эту помолвку? Не по адресу. Мне она тоже не нужна, – процедила Сафира.

– Лежи спокойно.

– Ты ничего там не найдешь.

– Как скажешь. Но я все же поищу.

Сафира замолчала и тяжело вздохнула – стало ясно, что он не отпустит, пока не завершит сканирования. Характер у ее жениха, и правда, дерьмо.

– Ты сканируешь за всю жизнь? – не выдержала она через пару минут, когда немного закружилась голова. На этот вопрос она имела право получить ответ в любом случае.

– Да, – ответил он. – Я не люблю тайн.

– Как чудесно. Мне ты тоже всю свою жизнь расскажешь сегодня?

– Землянка, я ведь сейчас найду, за что тебя отшлепать. А у меня очень тяжелая рука.

Звон в ушах у Сафиры и головокружение усиливались с каждой секундой, и это отозвалось внутри извращенно-мстительной радостью.

– Даже если найдешь, – выдавила она еле ворочающимся во рту языком. – Вряд ли успеешь.

– Почему? Что за..?

Почувствовав резкое ухудшение ее состояния, Льюча мгновенно выпустил ее из увода и подхватил, когда она начала падать, не устояв на ногах в реальности. Но Сафира все равно не смогла удержать ускользающее сознание.

Очнувшись она от мерного гула транспортера. Ночами в них бывало прохладно, но ее тело, как ни странно, ощущало лишь тепло. С трудом разлепив веки, Сафира поняла, что по уши завернута в плед, а поверх пледа ее обнимают очень горячие руки одного из самых сильных и привлекательных мужчин на планете. Романтичность этой сцены портило только присутствие двух медицинских работников совсем рядом.

– Сфотографируйте меня с ним, я потом буду это внукам показывать, – еле шевеля языком, сказала Сафира женщине в белом одеянии врача.

Горианка юмора почему-то не оценила, и стала светить в глаза фонариком:

– Как вы себя чувствуете? У вас раньше проявлялась непереносимость уводов?

– Да и да. В смысле – чувствую и проявлялась. Только не уводов, а сканирования, и то – только глубокого, – пояснила Сафира, стараясь не встречаться взглядом с женихом. Но его серые, пылающие гневом глаза, все же нашли ее немного виноватый взгляд:

– А какого же дохлого вуплика ты мне ничего не сказала? – процедил он так, что даже медики поежились от нескрываемой угрозы в его голосе, словно почувствовав, что на месте пресловутого вуплика, героя бесчисленного количества горианских пословиц, может оказаться дохлым кто-то другой.

– Я не успела. Ты же не предупредил, что будешь сканировать, – так же холодно процедила Сафира в ответ, лишь немного покривив душой. На самом деле она все же могла остановить его на несколько секунд раньше – тогда бы обошлось без обморока.

Льюча почувствовал неполную правду, и его ноздри возмущенно раздулись, но Сафира добила своего – медики заняли ее сторону, и два возмущенных взгляда устремились на ее жениха, а женщина-врач что-то сразу застрочила в своем коммуникаторе, явно фиксируя ее рассказ.

– Ей полностью противопоказаны сканирования в ближайшие полгода, – сообщила горианка, оторвав, наконец, взгляд от коммуникатора. – Я также рекомендую диагностику в Центральной клинике.

– Это слишком дорог...

– Она ее пройдет, – перебил Льюча. – Можно записаться прямо сейчас?

– Я запишу вас на следующую неделю, – кивнула горианка. – Полагаю, здесь недолеченая глубокая психотравма.

– Судя по вызывающему поведению, возможно, что не одна, – кивнул Льюча, глядя только на горианку.

– Что? – встрепелась Сафира, но тут транспортер резко пошел на посадку, и ей пришлось угомониться.

После приземления медики вышли, и они остались вдвоем.

– Мы не выходим? – удивилась она. По ощущениям Сафиры, полет длился уже довольно долго.

– Мы летим в Алкуну. У меня завтра там дела.

– В Алкуну? Это же за тысячу мер!

– За пятьсот, если точнее. Да если бы и за тысячу – говорю же, у меня дела.

– А меня зачем с собой тащишь?

– Ты больна. И ты под моим пре-сезариатом. Значит, ты со мной. Не волнуйся, твоим родителям я уже написал.

– Поверить не могу. Мне через два дня на учебу.

– Ты не поедешь.

– Что?

Сафира почувствовала, как кровь ударяет в голову. Она вскинулась, заставляя его отпустить ее, и едва не рухнула на пол, поскольку была по рукам и ногам скованна пледом. Кое-как распутавшись, она ухватилась за кресло, стоя над ним:

– Ты не можешь мешать моей учебе. Я целый год готовилась к этим экзаменам. Я...

Внезапно ощутив головокружение, Сафира прикрыла глаза и замолчала.

– Сядь.

Льюча едва разомкнул губы, чтобы произнести это единственное слово, он не сделал ни единого лишнего жеста, но на этот раз у нее почему-то не вызвала сомнения необходимость подчиниться – настолько он казался убедительным. И выглядел намного спокойнее, чем при встрече с ней в парке.

Тяжело рухнув в кресло, она с трудом подавила стон. Головокружение превратилось в боль, сдавливающую виски.

– На то есть несколько причин, маленькая. Наша помолвка обязывает нас общаться ежедневно в течение двух месяцев. Мне сейчас приходится много путешествовать. Если ты будешь постоянно летать в Шейхар, мы просто не встретимся. И тогда эта помолвка затянется на год. Ты хотела бы растянуть ее на год?

Сафира мельком взглянула в его гранитно-серые глаза и отрицательно качнула головой.

– А кроме того, твое состояние здоровья вызывает у меня большие сомнения в безопасности погружений. Я не большой специалист по плаванию, – Льюча качнул головой влево, кивая на свои мощные серые крылья, – однако думается мне, что под водой лучше сохранять ясность сознания, не так ли?

– Под водой меня обычно не сканируют, – огрызнулась Сафира.

– Мы не знаем точно, в чем причина твоих приступов. И не знаем, как это может прогрессировать. Одним словом, я не позволю тебе рисковать.

– Ты. Не позволишь?

Ее брови взлетели вверх. Ноздри протестующе раздулись, несмотря на то, что в его эмоциях появились признаки веселья. Сафира почувствовала, как кровь с ревом понеслась по жилам, разгоняя гнев по всему ее телу. Даже родители никогда не говорили с ней столь категорично. Даже когда она была маленькая.

– У тебя серьезные проблемы с необходимостью подчиняться, – бесстрастно заметил он, посылая ей насмешливую телепатическую улыбку. – Придется поработать над этим.

На следующее утро Сафира проснулась неплохо отдохнувшей – как ни странно, она не замечала никаких неприятных ощущений после приступа накануне, только немного растерялась сразу после пробуждения, не сразу сообразив, где находится.

Впервые в жизни Сафира ночевала в гостинице – ее родители предпочитали снимать дома, если летали куда-то с детьми, как и большинство горианцев. Гостиницы с отличным обслуживанием, просторными номерами и оплатой за каждые десять часов были доступны только самым богатым людям, путешествующим по делам. Таким, как Льюча эс-Мыйя.

Он снял огромный номер с двумя спальнями и двумя ванными. По сути, это были два удобных отдельных номера, соединенных только гостиной посередине и единым входом. Поскольку накануне он предупредил, что будет работать почти весь день, Сафира никуда не спешила. Она вдоволь выспалась, затем не торопясь приняла душ, созвонилась с матерью, чтобы убедиться, что она не волнуется.

К счастью, Льюча не рассказал ее родителям о вчерашнем приступе, и она тоже не стала волновать Авлину. Предыдущий приступ в двенадцать лет привел обоих ее родителей в состояние шока – с тех пор ее никто не сканировал, поскольку точный диагноз так и не поставили – слишком дорогим оказалось выявление проблемы. Вспомнив вчерашнее обещание Льючи оплатить для нее диагностику, она испытала двойственное ощущение: с одной стороны – естественную благодарность, с другой – возмущение: зачем он бросается ради нее деньгами? Хочет подчинить ее таким пошлым образом? Но для чего подчинять девушку, которая с тобой всего на два месяца? Разве что он всех вокруг хочет подмять под себя.

Последнее походило на правду. Выбравшись в гостиную и заказав себе еды в номер, Сафира расположилась на огромном диване с коммуникатором и стала скачивать все статьи, где упоминалось имя ее жениха, без разбору. Многие девушки в школе сходили по нему с ума и знали все досконально: от дня рождения и любимого блюда до каждой ступени карьерного пути. Но ей было не настолько интересно вникать, хотя лет в четырнадцать и она любила смотреть турниры и тайком немножко сходить с ума по всем чемпионам подряд.

К счастью, это быстро прошло, и теперь она даже не могла вспомнить, был ли Льюча когда-нибудь героем ее снов и фантазий. Скорее не был, решила она. Он выглядел наименее ярким из победителей всех лет – ее внимание больше привлекал его темноволосый начальник

по имени Органес и, пожалуй, командир межпланетарного крейсера Тхорн эс-Зарка со своим невероятно пронзительным зеленым взглядом.

Впрочем, пронзительности и взгляду ее жениха хватало, убедилась она накануне. Было страшно и неловко, когда он увел ее. И хотя у нее достало куража дразнить его и довести дело до обморока, чтобы поставить его самого в неловкую ситуацию – все это было скорее защитным рефлексом, чем настоящей смелостью.

Погрузившись в изучение найденной информации, Сафира быстро читала, выделяя самые важные для себя вещи. Льюча оказался относительно молод – всего тридцать восемь лет, удивительно мало для такой высокой позиции на Горре, где пятидесятилетие считалось первой границей более-менее зрелого возраста, а мужчин моложе тридцати принимали едва ли не за подростков.

Ее также удивило, что он родился в простой семье – его родители потратили все накопления, чтобы пересадить ребенку крылья. А Льюча впоследствии потратил массу усилий, чтобы доказать им и всей планете: это было не зря. Уже в двадцать шесть он стал победителем турнира и самым перспективным сотрудником службы охраны. А в тридцать занял пост заместителя Органеса, который занимал и сейчас.

И, как ни странно, при всех выдающихся физических данных и успехах в спорте, карьеру Льюча построил на инженерных достижениях. Он придумал новую систему защиты планеты от космических угроз, убедил Сезара оплатить ее установку из планетарной казны и прямо сейчас занимался контролем над ее возведением вместо старой системы, в которой обнаружил целый ряд уязвимых мест.

В целом задачи, которыми занимался Льюча, выходили далеко за пределы функционала Службы Охраны, и поэтому журналисты прочили ему блестящую и так же далеко идущую карьеру. Поговаривали даже, что Сезар может создать пост еще одного советника – специально для Льючи.

Потерев лоб, в котором вдруг возникла какая-то тяжесть, Сафира отложила коммуникатор и закрыла глаза. Ей больше ничего не хотелось знать о его успехах. Хотелось только считать дни до окончания помолвки. Один прошел – осталось пятьдесят девять.

\* \* \*

Когда Льюча вернулся в номер, Сафира сидела в гостиной, читая книгу. Она подняла голову, и какое-то время они молча смотрели друг на друга, словно участники турнира, встретившиеся во втором раунде. Наконец, его взгляд соскользнул, отпуская:

- Поужинаем перед возвращением? – предложил он.
- Это риторический вопрос или ты серьезно хочешь знать мое мнение?
- Сейчас уведу и возьму ремень потяжелее.
- Опять плохое настроение? Осторожнее, депрессии косят людей как мух.

Сафира сама удивлялась на себя: еще каких-нибудь минут пять назад она была спокойна и не подозревала в себе никакого настроения на язвительность. Словно одно его присутствие заставляло ее затачивать язык и пускать в ход все словесное оружие, каким она только располагала.

– Я переоденусь, и пойдем ужинать, – бросил он. На его щеках обозначились желваки, но на нее это не произвело никакого впечатления. Зато его фраза про переодевание взбесила – а как же насчет нее? Она тоже хотела переодеться, вот только для этого ему следовало бы предупредить ее о поездке и позволить тоже взять с собой вещи.

- Приятно, когда у тебя есть, во что переодеться, да? – взвилась Сафира.

Льюча замер на пороге своей спальни и глянул на нее, закипающую от возмущения, но вместо извинений просто пожал плечами и невозмутимо бросил через плечо:

– Да. По правде говоря, это довольно удобно.

Переполненная гневом, она вернулась на свою половину и зашла в ванную, чтобы расчесаться – благо, все необходимое в номере было. Но вчерашняя несвежая одежда ужасно раздражала, как и отсутствие привычных средств для ухода и косметики. Она никак не могла подготовиться к выходу – даже немного подвести глаза.

Чувствуя, как настроение стремительно катится вниз, Сафира вышла в гостиную и недовольно уставилась на переодетого в свежие брюки и рубашку Льючу:

– Я хочу на транспортер и домой. Не хочу никуда идти.

– А я хочу есть. Так что мы идем ужинать, – невозмутимо возразил он и пересек комнату, распахнув входную дверь перед ней.

– Иди один. Я сыта по горло, – отрезала Сафира и села на диван, безучастно отвернувшись.

Она ожидала, что он опять начнет угрожать, но Льюча просто мягко прикрыл дверь и подошел к ней, опустившись рядом.

Он долго молчал, и Сафира вдруг ясно телепатически почувствовала его усталость. Он молчал не для того, чтобы сделать какую-то эффектную паузу или напугать ее. Просто очень устал после работы и целый день ничего не ел, дошло до нее. Повернув голову, она бросила взгляд на непроницаемое мужское лицо – молодое, но не мальчишеское, ни капли не склонное к веселью и беззаботности.

– Зачем я тебе? Иди, правда, поужинай один, – жалобно предложила она.

Льюча, словно очнувшись, тоже повернулся к ней:

– Малыш, я не шутил насчет характера. Я плохо переношу капризы. По правде, это очень бесит. В чем сейчас дело?

– Я во вчерашнем линосе, – скрепя сердце, призналась она.

– И что? Нормальный линос.

– Он вчерашний. И грязный, – немного выходя из себя, выпалила она возмущенно. Но вместо того, чтобы проявить понимание, Льюча внезапно наклонился и шумно втянул ноздрями воздух.

Сафира непроизвольно отшатнулась и залилась краской, встретившись с ним глазами:

– Ты... ты нормальный?

– Я – да. Ты тоже. Пахнешь нормально, по крайней мере. Идем?

Полная замешательства, она встала, но уже на выходе из номера внезапно снова возмутилась:

– Ты меня нюхал!

– Ну и что?

Он послал ей телепатическую улыбку и мягко подтолкнул за талию, закрывая дверь в номер.

В самом деле – и что? Он мог бы и потрогать, и поцеловать ее, если бы захотел, мелькнуло в голове. И Сафира почувствовала, как в животе что-то сжалось и следом внутри ее тела вдруг ожило необычное ощущение, а ноги на пару мгновений стали ватными: она же помолвлена, внезапно дошло до нее – так, словно она до этого мгновения не осознавала этого в полной мере. А это означает нечто большее, чем просто помеха для ее учебы и повод для препирательств.

– Ты в порядке? – спросил Льюча, останавливаясь вместе с ней. В его глазах плясали смешинки, и она чуть не до слез смутилась, опуская взгляд. Но на этот раз он сделал вид, что ничего не заметил в ее эмоциях, и они пошли дальше.

– Ты когда-нибудь был помолвлен раньше? – спросила она, когда они уже сидели в одном из лучших городских кафе Алкуны. По просьбе Льючи им даже нашли уединенный столик на улице, отгороженный от других стеной высоких кустовых растений. Пышные цветы радовали глаз, и в голове Сафиры мелькнуло, что со стороны картинка снова выглядит идиллической

– как и вчерашняя сцена в транспортере, когда он держал ее на руках, завернутую в плед. В этих картинках все было правильным – и обстановка, и атмосфера, и герой. Только героиня не удалась.

– Не был. И не собирался пока, – добавил он, глядя в сторону. Но потом, спохватившись, бросил краткий взгляд в ее сторону, – я тебя не виню.

– Ну, спасибо, – пробормотала она, тоже отворачиваясь.

– Я просканировал за три года. Ты действительно не собиралась вступать в помолвку. Почему?

– Потому что я не хотела? – услужливо подсказала Сафира, все еще злясь на него за невежливое высказывание. Хотя знала, что он просто сказал правду. Но ей почему-то ужасно неприятно было услышать это – словно он все-таки обвинял ее в навязчивости.

– Все девушки твоего возраста заполняют дурацкие анкеты до последней буквы, потому что спят и видят, как выйдут замуж. А ты – нет.

– Я хотела учиться, что тут непонятного?

– Строго говоря, замужество – не помеха учебе.

– То-то и видно. Еще двух дней помолвки не прошло, как ты уже запрещаешь мне идти на учебу.

– Потому что это опасно.

Сафира закатила глаза и покачала головой, но продолжать спор не стала. Льюча молча занялся едой, и она тоже сталаковыряться в тарелке – правда, без особого энтузиазма: наелась в номере днем.

– Ладно, – сказал он, наконец, отодвигая тарелку. – Давай начистоту. Мне совершенно не нравится твое поведение, но я могу понять твои чувства. Есть только одна проблема.

– Какая? – послушно спросила Сафира, когда он сделал паузу, явно рассчитанную именно на этот вопрос. Она не хотела бы испытывать неловкость от его слов, но в глубине души понимала: Льюча прав. Ни одна нормальная горюшанка не стала бы так вызывающе вести себя в первый день помолвки. Тем более с таким женихом.

– Нам нельзя имитировать помолвку. Если мы ее расторгнем – тебя будут сканировать и, возможно, меня тоже. Сезар все держит под личным контролем.

– Мы ведь и так уже целые сутки неразлучны.

– Этого мало. Помолвка не подразумевает просто нахождение рядом. Надо нормально общаться.

– Хочешь сказать, я не умею общаться?

Ей в лицо бросилась краска. По правде, у нее бывали трудности с общением. Но ведь не со всеми же.

– Это ты сказала, землянка.

– Перестань называть меня землянкой. Это звучит уничижительно.

– Может, тебе просто так хочется воспринимать? – парировал он.

Сафира снова закатила глаза и покачала головой, глядя в сторону. Он страшно ее бесил, и она не видела ни единого способа наладить нормальное общение с этим горюшанцем.

– Я устала и хочу домой, – тихо сказала она после долгой паузы, чувствуя себя вымотанной.

## Глава 2

Льюча эс-Мьийа привык добиваться своего. Но он также считал себя здравомыслящим человеком и обычно трезво оценивал свои шансы. И если видел, что чего-то добиться невозможно, во всяком случае – немедленно, он обычно не шел напролом. И теперь едва ли не впервые в жизни счел нужным настаивать, даже видя, что это бессмысленно.

– Я не могу отменить помолвку, – покачал головой Яксин эс-Фарфе, терпеливо повторяя эту фразу уже в третий раз. – Поймите, эсте эс-Мьийа, девяносто процентов пар с земной невестой чувствуют себя так же, как вы. Многие прошли через такой же период отрицания и отторжения, а теперь счастливо женаты и не представляют, как жить друг без друга.

– А я вам в пятый раз повторяю: проблема не во мне. Эта землянка совершенно не воспитана, хотя уже давным-давно живет на Горре. Она не идет на контакт, дерзит и отказывается прилично себя вести.

Советник Сезара посмотрел на него долгим взглядом и наклонил голову, улыбаясь:

– И, как вы думаете, почему Сафира так себя ведет?

Льюча запнулся, когда советник назвал его невесту по имени. Он и забыл, что Яксин, уже больше десяти лет руководящий программой переселения землян, знал многих из них и довольно близко. Возможно, он симпатизирует девушке, которую знал с детского возраста, и сердится на него за холодное отношение к ней.

– Я понимаю ее чувства, Яксин, не думайте, что не понимаю, – дипломатично заметил он. – Конечно, ей неприятно, что ее заставляют вступить в помолвку и что половина планеты ждет, когда она начнет рожать детей, возможно, это давит на нее с тех пор, как она сама еще была ребенком. Теперь она, естественно, изливает все это на меня, хоть и знает, что это не по адресу.

Пока Льюча говорил, ему в голову пришла еще одна мысль, до этого не посещавшая его: что, возможно, он неправильно начал разговор с землянкой в их первую встречу. Но в тот момент он был слишком поглощен собственной досадой на то, что его принуждают к помолвке. И он упустил из внимания ее чувства, почему-то исходя из аксиомы, что землянка будет рада заполучить его в женихи. Возможно, он слишком заиклился на собственном звездном образе, с мучительным приступом стыда осознал Льюча.

– И вы как-то учили это в общении с ней? – спросил Яксин так, словно прочитал его мысли. На самом деле это было невозможно: их телепатический уровень был равным – высшим – и не предполагал чтения мыслей, а кроме того, они оба общались с закрытыми блоками, так что не могли воспринимать даже эмоций друг друга.

– Нет, не учел, – признался Льюча, нехотя. – Не сразу.

Советник тактично помолчал некоторое время, чтобы дать ему возможность самому сделать необходимые умозаключения, а потом вновь заговорил, заходя с другого края:

– У Сафиры отличные родители здесь, на Горре. Они многое сделали для нее, но даже они не смогли полностью изменить то, что происходило с ней на Земле первые восемь лет жизни. А там ей приходилось непросто.

– Ее родители погибли? – предположил Эс-Мьийа. Он слышал, как и многие, о том, что для программы переселения, разумеется, выбирали детей-сирот.

– Нет, они отказались от нее.

– Как это? – недоуменно переспросил Льюча. Он мало что знал о диких планетах уровня развития ниже телепатического. А на телепатических планетах родители от детей не отказывались – такое поведение было абсолютно исключено для психически здорового человека, все равно что конечности себе отрезать.

– На Земле так бывает. Больные родители, не способные сами позаботиться о себе, отказываются заботиться и о детях. Их называют "неблагополучными". Означает, как правило, глубинные заболевания психики, алкоголизм, наркоманию. Эти люди не работают и ведут асоциальный образ жизни. А дети их оказываются в очень неприятных сиротских учреждениях, пребывание в которых, в свою очередь, нещадно вредит психике, ведет к тем же проблемам, что у родителей, и нередко – к гибели.

– Я ничего не понимаю. Зачем так поступать с детьми? Там что, на Земле, совсем нет нормальных семей? Некому о них позаботиться? – ошарашенно осведомился эс-Мыйя.

– Земляне не всегда настроены на заботу о чужих детях, – грустно улыбнулся Яксин. – Это зачастую сложно, поскольку нет нормальных способов вылечить психику ребенка. Кроме того, абсолютное большинство взрослых землян психически травмированы, в той или иной степени. Мало кто способен на полноценную эмпатию. Чаще они отгораживаются от собственных чувств.

– И Сафира...

– Да, и она тоже. Ее детские травмы не долечены.

Льюча провел ладонью по лицу, негромко выдохнул:

– Я не уверен, что смогу ей помочь.

– Вы не обязаны. Но у вас помолвка, так или иначе. Так что попробуйте узнать ее.

Льюча прикрыл глаза и кивнул. А когда открыл – в них светилась решимость.

– Мне нужна консультация психолога, – заявил он.

– Хорошо, что вы сами это предложили, – кивнул Яксин. – Потому что у меня уже две жалобы на вас.

– Странно, что она не написала три или четыре. У нее был целый вечер, – фыркнул Льюча.

– Сафира не является автором ни одной из них, – качнул головой советник. Его эмоции по-прежнему оставались непроницаемыми. – Одна из них от ее родителей, которые возражают против вашего путешествия в Алкуну без согласия Сафиры.

– Какое путешествие? Мне надо было работать. Я бы отложил свидание, но помолвка-то у нас принудительная. Или мне все же можно отменять свидания?

– Нельзя, – покачал головой Яксин. – И поэтому я отклоняю эту жалобу. А вот вторая беспокоит меня больше, потому что ее написала врач, которая вчера оказывала помощь вашей невесте. Она полагает, что вы причинили вред ее здоровью своими небрежными действиями.

– Я сканировал ее.

– Но Сафира не переносит глубокого сканирования.

– Но я об этом не знал. И она нарочно мне не сказала.

На этот раз Яксин молчал достаточно долго, чтобы Льюча успел почувствовать себя полным идиотом. Причем жалким идиотом. Он не мог припомнить, когда в последний раз перед кем-то в чем-то оправдывался. На работе он привык брать на себя ответственность за все, включая мельчайшие промахи подчиненных, которые никак не мог предотвратить. Почему же сейчас ему оказалось так невыносимо тяжело признаться, что он дал маху с землянкой?

– Ладно, я признаю, что... – начал он после долгих размышлений, но тут заговорил и советник, перебивая его:

– Зная Сафиру, я полагаю, что вы говорите правду, Льюча. Но все же я должен вам заметить, что запугивание невесты на первом свидании не является лучшей тактикой ее оболащивания.

– Я не собирался ее...

– Это также не работает, чтобы оттолкнуть ее, – отрезал Яксин, предупреждая его возражения. И на этот раз послал ему телепатическую улыбку.

– А это еще почему? – с интересом осведомился Льюча, тактика которого заключалась именно в этом.

– А потому, что, зная Сафиру, я предположу, что она захочет вам отомстить, эсте эс-Мыйя, – весело заключил Яксин.

\* \* \*

На следующий день она поняла, что Авлина все-таки прониклась. До ее матери дошло, что Сафира действительно не хочет этой помолвки, когда она увидела лицо дочери после свидания длиной в сутки.

При Люче, этом мерзком самовлюбленном тиране, она еще держалась, но когда пришла домой, ее начало трясти и она разразилась слезами при обоих родителях, размазывая их по щекам, словно пятилетний ребенок, бессознательно действуя на все их инстинкты опекунов и защитников.

– Он запретил мне учиться. Меня выгонят из ака... академии... я два года поступала, – выдавливая она сквозь всхлипы. – Он хочет разрушить всю мою жизнь.

Взволнованные родители, переглядываясь, в течение часа вытягивали из нее все подробности их общения с Лючей, после чего Ланиш отправился писать жалобу советнику Яксину эс-Фарфе, а Авлина заключила ее в объятия, негромко успокаивая, обещая, что отец непременно поможет, поговорит с ее женихом.

– Ты хотя бы пробовала объяснить ему, как это важно для тебя?

– Нет. Если бы только его видела... такому человеку бессмысленно что-либо объяснять.

– Любому можно что-то объяснить, – мягко заметила мама, поправляя ее волосы. – Разумеется, он был растерян после твоего приступа.

– Он сам меня довел!

– А ты сказала ему о своей непереносимости сразу после увода? – с теплой улыбкой спросила Авлина. Она хорошо знала свою дочь.

Сафира вздохнула:

– Нет, не сразу. Я подумала, что было бы неплохо сбить с него спесь.

– Это нехорошо, Сафира. Видишь, ты сама отчасти натолкнула его на мысль запретить тебе рисковать.

– Он нарочно это сделал, – снова всхлипнула она.

– Необязательно, – успокаивающе произнесла Авлина. – Просто твой приступ напугал его. Эсте эс-Мыйя выглядит довольно ответственным молодым человеком, так что это могло всерьез смутить его.

– Что же мне теперь делать?

– Попробуй договориться с ним. Но для этого придется вести себя намного послушнее. Мужчины упрямы. Но их можно обхитрить, уступая по мелочам.

– Я не смогу, мама.

– Ты еще не пробовала.

На следующий день, едва дождавшись, когда отец улетит на работу, а мать – по делам, Сафира принялась собирать вещи. Это был первый день ее учебы, и она не собиралась пропускать его, вне зависимости от того, что сказал ее невыносимый жених. За полубессонную ночь она все успела обдумать. Советы мамы, конечно, хороши, но лишь для такой женщины, которой являлась сама Авлина.

Ей, Сафире, такая тактика не подходила совсем. Даже если каким-то чудом ей и удастся ненадолго стать послушной, то рано или поздно она все равно сорвется. А, кроме того, строить из себя какую-то другую девушку было глупо: очевидно, что такому человеку, как Люча, она не подойдет в любом случае, даже если вылезет вон из кожи в попытках понравиться. Его внимания добивались самые красивые горианки на планете и пока безрезультатно.

Бегло изучив прессу, Сафира в этом убедилась, хотя, конечно, горианские газеты не писали напрямую ни о каких романах, невозможных на Горре без нарушения приличий, но зато там было написано, что во время прошлого турнира маленькие записочки с пожеланием успеха для Льючи пришлось упаковывать в огромную коробку в половину человеческого роста. Безусловно, испытывать дефицит женского внимания ему не приходилось. Так что вставать в очередь за благосклонностью этого человека, очевидно, было бы безумием – лучше потратить время на дополнительные тренировки и сохранить достоинство.

Однако в транспортере до Шейехара Сафира внезапно поняла, что далеко не все ее мысли, как несколько дней назад, посвящены предстоящим ныряниям. Она поймала себя на том, что, глядя в окно невидящим взглядом, мысленно проигрывает встречу с Льючей эс-Мыйя заново и, вместе с тем, погружается в чувства, которые совершенно не хотела бы сейчас испытывать. А именно: бессилия и злости.

К своей досаде, она поняла, что ему удалось напугать ее и спровоцировать на, мягко говоря, не слишком адекватное поведение. В отличие от нее, он казался таким уверенным и спокойным. И теперь она вынуждена крадучись ехать на учебу, словно совершает какое-то преступление. И вздрагивать от каждого писка коммуникатора – что, если он напишет ей сообщение и захочет встретиться сегодня?

Подавленная своими сомнениями, Сафира достала коммуникатор, на который еще несколько дней назад скачала огромный свод рекомендаций службы помолвок на Горре. Но по-настоящему захотела прочитать его только после свидания с Льючей. Только тогда ей стало понятно, как важно знать правила и, самое главное, свои права.

Погрузившись в чтение, Сафира очнулась только в самом Шейехаре, причем, когда большинство пассажиров уже покинули транспортер. Подхватив вещи, она вышла наружу, слегка озадаченная. Но в главном успокоенная. Во-первых, из правил она почерпнула, что пре-сезариат жениха не безграничен: теоретически, конечно, он имел право указывать ей, что делать, и наказывать за различные проступки, но лишь в том случае, если считал ее поведение вредным или опасным. При этом она была вправе распоряжаться своей жизнью: учебой, работой и даже досугом.

Поэтому, если Льюча не докажет со справкой врача, что учеба действительно вредна ей, то со своими требованиями прекратить занятия он может идти пешком до Шаггитерры или даже куда подальше, весело размышляла Сафира. И разъезжать с ним по всей планете она тоже не обязана: не чаще одной поездки в неделю, было написано в правилах.

Расстраивало, правда, то, что невесте особо рекомендовалось быть уступчивой, избегая споров с женихом, и внимательно его выслушивать, но в эту часть Сафира вчитываться не стала, раздраженно перелистнув страницу. Внимательному изучению с ее стороны подверглись только два раздела: обязанности жениха и права невесты. Остальное – для тех девушек, которые действительно хотят выйти замуж. А поскольку исход помолвки предрешен, ее это не касается, решила она.

\* \* \*

На подлете к центру организации помолвок Льюча почувствовал нарастающее раздражение. Ему пришлось хорошенько задуматься прежде, чем найти причину – недовольство собой. Он впервые в жизни летит к психологу, потому что с чем-то не справляется. Ох, это – и правда – крайне неприятно было сознавать. Из-за какой-то дурацкой помолвки, подумать только.

Льюча эс-Мыйя привык с легкостью справляться с задачами, перед которыми пасовали многие другие. Он с юности не робел перед серьезными вызовами и высокопоставленными персонами. Он словно заранее знал, что непременно добьется успеха – и добивался его. В два-

дцать с небольшим он легко устроился на работу в Службу охраны, через пару лет предложил концепцию улучшения ее работы и вскоре добился повышения.

А затем, неожиданно для себя, получил приглашение к Сезару вместе с возможностью презентовать новый проект планетарного масштаба. И вот теперь, вместо того, чтобы заниматься его реализацией и контролем над тем, чтобы все было сделано, как надо, он вынужден лететь к психологу и обсуждать с ним ранимую психику землянки, которая его совершенно не интересовала... ну, разве что, совсем немного.

Женщины никогда не входили в список главных его страстей. Льюча любил свою работу, обожал решать сложные задачи головой и в то же время получал огромное удовольствие от физических тренировок. Полеты, борьба, тренажеры – и на турнирах, и в небе, и в спортивном зале ему нравилось добиваться результата, превосходя многих других. Что делать с женщинами, он не понимал.

Как и многие другие горианцы мужского пола, Льюча уже лет с шестнадцати познал все радости физической любви. Он не против был время от времени залететь в дом удовольствий, выбрать шаггитеррианочку покрепче и вдоволь с ней покувыркаться. Когда он разбогател и купил просторную квартиру, то стал просто брать девушек к себе домой и развлекаться в собственной комнате для слияний.

Ему нравилось ощущение мягкого женского тела, которое можно гладить, добиваясь мурчания и стонов, ему нравился секс, и ему даже нравилось платить за него, наблюдая за вспышкой бесхитростной радости слабоумных девушек при виде денег и традиционных подарков-украшений.

Но если с шаггитеррианками все было ясно, то с горианками Льюча всегда ощущал себя неловким. Он понимал, почему привлекает внимание, но в его планы не входила женитьба, а просто флиртовать с девушками он не умел и не видел в этом ни малейшего смысла. Особенно с молоденькими, лет шестнадцати-семнадцати, которые часто подходили за автографами и мучительно краснели, стоило ему взглянуть в их сторону.

А еще он частенько чувствовал, что они принимают его за кого-то другого, потому, что сталкиваясь с проявлениями его резковатого характера, девушки ужасно обижались. Например, когда после прошлого турнира к нему подошла дочь одного из советников Сезара. Жутко стесняясь, молодая девушка лет семнадцати сообщила, что поспорила с подругами на пятьдесят кредитов, что поцелует его в щеку.

Поскольку Льюча никак не отреагировал, продолжая непонимающе смотреть на девушку, она спросила, не мог бы он помочь ей. И тогда, не думая ни минуты, а точнее, думая в тот момент о чем-то совсем другом, он просто достал из кармана карточку, готовый перекинуть пятьдесят кредитов на ее счет.

Позже он несколько раз вспоминал малиновое лицо той девушки и смертельное оскорбление в эмоциях – и думал, почему просто не наклонился тогда, чтобы поцеловать ее? Ведь в поцелуе в щеку даже не было ничего особенно неприличного, что могло бы создать для него малейшие неприятности с ее семьей. Просто он искренне не успел понять, чего она от него хотела и зачем, и как лучше поступить. А когда понял, было уже слишком поздно.

Возможно, поэтому Льюча и медлил с заявлением на помолвку. Он все еще не считал, что готов к этому, и в то же время ему совершенно не хотелось анализировать причины. А теперь, возможно, придется. Черт бы побрал эту дурацкую программу с землянками.

Осторожно приземлившись на небольшую площадку, Льюча поспешил внутрь. Ему вовсе не хотелось, чтобы его видели здесь, в средоточии романтики и людей, жаждущих найти вторую половину: если об этом узнает пресса, то одному космосу известно, как будет чувствовать себя Сафира. Он-то привык, что про него строчат всякую ерунду, а эта ершистая кнопка, возможно, будет не рада.

К счастью, нужная ему комната располагалась близко от входа, и уже минуту спустя Льюча остался наедине с психологом. Который – он едва подавил стон – тоже оказался женщиной.

– Меня зовут Мелана эс-Лейке, – представилась миловидная жизнерадостная горианка лет тридцати.

Пригласив его войти и присесть, она послала телепатическую улыбку:

– Вы предпочли бы психолога-мужчину, эсте эс-Мьийа?

Да. Он предпочел бы мужчину. Он привык общаться с мужчинами – на работе его окружали в основном они, как и на тренировках. Мужчины лучше в любых отношениях – с ними все намного проще и понятнее.

– Ясно, – улыбнулась она снова в ответ на многозначительную паузу. – К сожалению, в нашей программе с землянами работают в основном женщины, и вам придется...

– Я не против поговорить с вами, – перебил Льюча, с трудом удерживаясь от желания взглянуть на часы. Пол утра он провел в кабинете Яксина, ему давно уже надо было на работу, но он не любил откладывать неприятное в долгий ящик, поэтому согласился посетить психолога сразу.

– Хорошо. Вы расскажете, в чем возникло затруднение?

– В том, что мы оба не хотим этой помолвки. А моя невеста провоцирует меня.

– Вам придется рассказать мне больше, – с прежней милой понимающей улыбкой сказала психолог, и Льюча едва не заскрипел зубами.

– И открыть эмоции, – прибавила она, явно натолкнувшись на его блоки.

– Зачем? – вырвалось у него, и ее взгляд из просто жизнерадостного превратился в насмешливый.

– Чтобы я могла вам помочь, – ровным тоном сообщила горианка.

После того, как Льюча, скрепя сердце, рассказал Мелане об обстоятельствах его свидания, девушка понимающе кивнула и поднялась из-за стола.

– Я думаю, нам следует начать с простого перевоплощения. Я попрошу вас встать вот здесь, перед зеркалом, эсте эс-Мьийа, и ненадолго закрыть глаза.

Льюча поднялся, встал, куда она велела, и послушно закрыл глаза.

– Покажите, какого роста ваша невеста.

– Вот так где-то, – он отметил уровень середины своего плеча. – Примерно, как вы или чуть меньше.

– Очень хорошо. А теперь представьте, что вы сами стали такого роста. Не открывайте глаза, пока не представите это как следует.

– Хорошо.

На воображение Льюча не жаловался. Но становиться ниже ростом ему не хотелось – поэтому пришлось потратить какое-то время над мысленным "ухудшением" себя.

– Есть ли какая-то разница в том, как вы теперь себя чувствуете? – осведомилась горианка, когда он дал знать, что закончил.

– Я ведь открыл эмоции, – огрызнулся Льюча, даже не понимая, почему испытывает такое раздражение. Ему совершенно не хотелось отвечать на дурацкие вопросы.

– Я могу их неверно интерпретировать, – мягко возразила девушка. – Я чувствую, что вам стало немного неуютно. Чувствуете ли вы себя слабее? Более беззащитным?

– Я могу открыть глаза?

– Пока нет. Ответьте мне, пожалуйста.

– Нет, я не чувствую себя беззащитным! Ну... может быть, лишь немного.

– Каким вы себя чувствуете?

– Не знаю. Мне нравится мой рост. Мне не нравится идея о том, чтобы быть ниже, – честно признался Льюча.

– Хорошо. Но почему?

– Так я чувствую себя сильнее, – сдался он.

– Хорошо. А для чего вам нужно быть сильнее?

В эмоциях горианки Льюча чувствовал удовлетворение и спокойствие – и его это тоже успокаивало. В какой-то момент он расслабился и решил, что ничего страшного нет в том, чтобы поговорить с кем-то откровенно.

– Для соревнований. Для работы. Да для всего, – пожал он плечами, переминаясь с ноги на ногу.

– А давайте теперь представим, что вы, будучи такого маленького роста, как ваша невеста, встречаете человека такого размера, как вы. Что вы почувствуете? – совсем негромко, очевидно, чтобы не мешать его визуализации, спросила психолог.

– Я...

– Откройте глаза. Посмотрите на себя в зеркало, только представьте, что это другой человек. А вы – маленького роста. И не очень уверены в своих силах.

Льюча открыл глаза и едва не вздрогнул. У него и впрямь отлично работало воображение – так, что вместо своего отражения в зеркале он увидел громадного угрюмого типа, без особой доброжелательности глядящего прямо на него. И, на секунду поверив в то, что и в самом деле мал ростом, он вовсе не симпатизировал этому здоровяку.

Когда он моргнул, иллюзия исчезла, но осталось мощное впечатление, и он резко повернулся к девушке:

– Я выгляжу пугающе?

– Это вы сказали, эсте эс-Мыйя, – улыбнулась Мелана и жестом снова указала ему на кресло. – Лично меня вы не пугаете, но, судя по тому, что вы только что рассказали, у вашей невесты сложилось другое впечатление. И вы сами только что заметили, что вам нравится ощущать, что вы сильнее, во всех сферах жизни. Нравится ли вам это с невестой?

– Это же не преступление. Я мужчина.

– А я и не говорила, что это преступление. Почему вы так решили?

Льюча смотрел на психолога, вновь чувствуя себя озадаченным.

– Я не собирался запугивать ее. Просто не хотел ей нравиться.

– Почему?

– Потому что... ну... это не настоящая помолвка, и она, скорее всего, закончится ничем.

– Но ведь вы подобраны...

– Я не хочу обижать ее, – вырвалось у него прежде, чем Мелана договорила фразу.

На несколько секунд воцарилась тишина.

– Вам раньше доводилось обижать девушек?

– Да, – нехотя признался он, отводя глаза, мгновенно вспоминая ту девчонку, которая хотела поцеловать его.

– Давайте немного поговорим об этом.

Эмоции психолога показывали, что Мелана очень довольна. Открытые эмоции Льючи указывали на отчаяние.

### Глава 3.

К разочарованию многих студентов-первокурсников их первое занятие не включало никаких погружений на глубину, даже на небольшую. Тренировка проходила в бассейне, и нырять им предлагали по самой поверхности и то – совсем ненадолго.

Сафира, как и большинство поступивших, уже умела задерживать дыхание дольше трех минут, а им предлагали делать это лишь минуту-полторы.

– Вашему эго здесь не место, – ответил тренер на все возражения учеников против такой программы. – Если кто-то рвется в первый год ставить планетарные рекорды, пусть сразу несет

документы на отчисление – и вперед. Только учтите, что ваше достижение может стать последним, что вы сделаете в жизни. Телепатический дайвинг – один из самых опасных видов спорта на планете, и первый по числу погибших.

Хотя Сафира и хотела, как и другие, увеличивать свои возможности, но она понимала, что тренер говорит правду. Ей и самой доводилось читать про погибших. Море – жестокая штука. Но погибнуть можно и в бассейне, если нырнешь чересчур надолго и потеряешь сознание. Поэтому тренировались все в парах, не только помогая войти в транс, но и наблюдая друг за другом. Если кому-то доводилось перестараться, так, что его мозг внезапно отключался от нехватки кислорода, наблюдатели быстро замечали и вытаскивали тонущего.

Парой Сафиры, к ее величайшей радости, оказался ее давний знакомый Фемир, с которым они ныряли со школы. Фемир тоже обрадовался, и они без удержу болтали до и после тренировки, когда им дали время перекусить перед лекцией.

– Что ж... хотя бы размялись, – жизнерадостно отметил он, выходя из мужской раздевалки с мокрыми волосами.

– Мне кажется, они просто хотят убедиться, что мы готовы к настоящим занятиям. Понятно, для академии безопасность на первом месте.

– Их можно понять, – пожал плечами Фемир. – А ты куда-то пропала после дня рождения. Думал, придешь понырять.

Сафира метнула на друга быстрый взгляд, потом вздохнула:

– Дело в том, что я теперь помолвлена. Была занята с женихом.

Ее друг, весь день выглядевший жизнерадостно, вдруг смешался, словно налетел на невидимую стену. И растерялся:

– О... ну... поздравляю!

– Не с чем, – отрезала она, набирая еды из автоматической системы заказа.

– Как это? – удивился Фемир, во все глаза глядя на нее. Но Сафира не отвечала, поэтому горианцу осталось только продвинуться за ней и заняться отбором еды для себя.

– Погоди-ка, – сообразил он, когда они уже садились за столик. – Это потому, что ты землянка, да? Ты не можешь отказаться?

– Могу, но только через два месяца, – нехотя пояснила она, впиваясь зубами в свежую булочку с сыром.

– И он тебе не нравится? – хмуро спросил Фемир, наблюдая за ее лицом. Как и у многих горианцев, у него было повышенное чувство ответственности за всех близких женщин, и, наблюдая за переменной эмоцией друга, Сафира уже пожалела, что сказала ему. Но до этого ей и в голову не приходило, что ее приятель примет это близко к сердцу. Ощувив серьезное беспокойство в эмоциях друга, она поспешила смягчить сказанное:

– Он не плохой, просто не подходит мне.

– Но вас же выбрали. Тут разве может быть ошибка?

Глаза ничего не понимающего Фемира округлились.

– Я не об этом. Просто мне кажется, что он мне не пара.

– Я и говорю: он тебе не нравится?

– Да нет... не знаю.

– Ну, может, он тебя еще заинтересует, – немного отстраненным на этот раз тоном заметил ее друг.

– Лучше бы этого не произошло, Фемир, – грустно сказала Сафира, внезапно теряя аппетит. – Потому что мне его нечем заинтересовать.

\* \* \*

Некрасивый. Угрюмый. Пугающий. Всего за пару часов психолог вытащила из него многое, что он бессознательно засовывал вглубь на протяжении долгих лет. Да, он не считал себя подарком и, наверное, просто подсознательно опасался влюбляться. Ему хватило неловких ситуаций, когда он был юн. Стоило ему посмотреть на какую-нибудь девушку повнимательней, как в ее эмоциях появлялся испуг.

Конечно же, когда он впервые победил в турнире, все резко переменялось, и он вдруг стал для многих привлекательным. Но Льюча по-прежнему ощущал, как его побаиваются и справедливо полагал, что лишь ореол чемпиона привлекает девушек, а вовсе не он сам. Ему казалось, что каждая из них переменяла бы мнение, лишь немного ближе познакомившись с ним. И, зная это, он просто не давал им шанса.

Его родителей не в чем было упрекнуть – они любили его и заботились так, как могли, вкладывая в него многое, но и требуя немало взамен. Они научили его быть целеустремленным, вечно неудовлетворенным собой, всегда стремящимся к новым достижениям. Вот только они подгоняли его так часто, что в детстве Льюча почти ежедневно чувствовал, что делает недостаточно. И что бы он ни делал, он всегда недостаточно хорош.

Ему все казалось, что стоит лишь на день остановиться, расслабиться – и все сразу увидят, что сам по себе он никуда не годится. Что само его существование имеет смысл лишь до тех пор, пока он много работает, и всегда чуть больше, чем другие. Другие имели право сплеховать, он – нет. Другие, у кого не было крыльев, высокого телепатического уровня и таких заботливых родителей, имели право не предъявлять к себе чересчур высоких требований. Он – нет.

Мелана ничего не утверждала и ни на чем не настаивала – лишь задавала вкрадчивые вопросы и позволяла ему самому анализировать ответы на них.

Но Льюча многое понял: прежде всего, то, что ему надо вернуться в кабинет психолога на следующий сеанс через неделю. И теперь его почти не раздражала эта мысль. А еще он осознал, что должен по-другому разговаривать с невестой, и ему не терпелось попробовать. Интересно, если он будет спокойнее и доброжелательнее к ней, Сафира ответит тем же? Или останется такой же колючкой-землянкой?

Вернувшись на работу, он через пару часов поймал себя на какой-то странной рассеянности. А потом понял, что хочет узнать, где она, проверить. Интуиция подсказывала ему, что невеста не послушается, полетит на свою учебу, и любопытство не давало сосредоточиться на работе. Вздохнув, Льюча отложил ненадолго свою работу и отправил запрос в транспортную службу.

Едва ли не впервые в жизни воспользовавшись служебным положением высокопоставленного сотрудника службы охраны, он даже занервничал. Но запрос приняли как обычно и быстро дали ответ: Сафира, действительно, купила билет до Шейехара этим утром – и воспользовалась им.

После такого ответа Льюча окончательно понял, что не сможет сосредоточиться на работе и вместо этого решил навести еще несколько справок. Он сделал один звонок в морскую академию Шейехара, чтобы узнать расписание первокурсников и еще один – чтобы узнать расписание транспортеров на вечер. А потом отправился домой, чтобы перекусить и переодеться перед новой встречей с невестой.

\* \* \*

Она и не подозревала, как устала, пока не заснула в транспортере по дороге домой. Возможно, поэтому, прилетев на станцию в столице, оказалась слегка дезориентирована, и даже дрожала спросонья. Вспомнив о женихе, она испуганно проверила коммуникатор, но, к счастью, пропущенных звонков не было – что ж, неплохо получить передышку на денек. Хотя Сафира полагала, что Льюча вознамерился встречаться каждый день, чтобы побыстрее получить право расторгнуть помолвку. Как она, должно быть, ему неприятна: мало того, что пигалица, так еще и характер такой вредный. Бедный, бедный красавчик-чемпион.

Мысленно подтрунивая над женихом, Сафира не перестала дрожать, но перестала хотя бы бояться собственного коммуникатора и убрала его в карман. Она быстро шла по полупустой улице, глядя под ноги, и даже не сразу заметила, как кто-то преградил ей путь. Только в последний момент, успев притормозить, она инстинктивно вытянула вперед руки, касаясь чьего-то теплого тела, прикрытого лишь тонкой рубашкой. А, подняв голову, вздрогнула и отшатнулась.

– Льюча.

На ее лице, должно быть, отразились сразу все эмоции – и произвольный страх, и смущение от того, что он поймал ее возле транспортной станции. И враждебность.

– Здравствуй, маленькая. Замерзла?

Заметно смущенная и приготовившаяся защищаться, она сходу была обескуражена переменной в его тоне, и том, как он смотрел на нее – спокойно и доброжелательно. Наклонив голову, Сафира внимательно посмотрела ему в глаза и осторожно кивнула, теперь окончательно растерявшись. Нежность и участие полностью деморализовали ее, и защитные рефлексы отключились.

– Иди сюда, погрею.

Он слегка развел руки, и Сафира с недоумением уставилась на его широко разведенные здоровенные ручищи. Погреет? Он?

– Это шутка? – сузив глаза, спросила она, заподозрив какой-то подвох.

– Нет.

– Ну... хорошо.

Она осторожно приблизилась, позволив ему заключить себя в объятия и растереть свои обнаженные руки горячими ладонями. Почти уткнувшись носом в его рубашку где-то в районе диафрагмы, Сафира сделала для себя два тревожных открытия. Первое заключалось в том, что его забота породила какое-то очень теплое и приятное чувство внутри нее, а второе – что от него очень приятно пахло.

– Спасибо, – сказала она, снова смутившись, едва не до слез.

– Ты в порядке? Нам надо поговорить, – заметил Льюча, обхватив ее за плечи и вынудив слегка запрокинуть голову, чтобы заглянуть в лицо с высоты своего гигантского роста.

– Мои родители будут ждать...

– Они знают, что ты со мной, – отрезал он.

– Ладно, – сразу сдалась она, каждую секунду ожидая, что он будет отчитывать ее за поездку в Академию. Но вместо этого ее жених предложил прогуляться по улице и заговорил о другом.

– Почему тебе было неприятно слово "землянка"? – спросил он после небольшой паузы.

Сафира глянула на него, пытаясь считать эмоции. Льюча без слов открыл их для нее, когда почувствовал это: спокойствие и любопытство. Надо же... он, и правда, не злился на нее.

Перед тем, как отвечать, она вздохнула, невольно припоминая, сколько раз слышала это слово в негативном контексте. Часто на улице. Реже в школе. Постоянно – по коммуникатору, когда смотрела политические новости.

– Горианцы редко имеют в виду что-то хорошее, когда говорят так, – сдержанно пояснила она, наконец.

– Я ничего дурного не имел в виду.

Почувствовать ложь для телепата проще всего – это один из первых навыков, которому учатся дети на Горре. Поэтому Сафира знала, что Льюча не лгал, и ее вновь посетило теплое чувство.

– Ладно.

– И все равно это было невежливо, – внезапно прибавил он, и Сафира быстро подняла голову, удивленно глядя на жениха. С ним сегодня, и впрямь, творилось нечто необычное. Она никак не ожидала такого поведения после всего, что он устроил ей накануне. Тем временем ее жених замедлил шаг, и они вновь остановились посреди улицы. Поздние прохожие почти не оглядывались в их сторону, спеша к себе домой – район не подходил для неспешных ночных прогулок. И Сафира вдруг почувствовала себя так, словно они с Льючей остались наедине.

– Я хотел извиниться, – продолжил он, к ее полному изумлению. – За вчерашний день. И особенно за позавчерашний.

– Правда? – переспросила она невольно, и тогда пришла его очередь испытывать удивление. Горианцы никогда так не переспрашивали – эта глупая привычка осталась у Сафиры с детства. Какой смысл переспрашивать, если правду чувствуешь телепатически, как и ложь?

– Извини, – поспешно сказала она. – Ты тоже меня извини. Я... наверное, тоже вела себя не очень вежливо. Я не горианка, и...

Внезапно ощутив подступающие слезы, Сафира опустила голову. Почему это вырвалось у нее? Зачем она устраивает душевный стриптиз и признается в своей главной слабости? Она ведь не собиралась извиняться за то, что родилась на Земле? Хотя она миллион раз за свою жизнь чувствовала себя так, словно обязана за это извиняться, снова и снова.

– Мы оба слегка перенервничали, да? – успокаивающе произнес Льюча, протягивая ей свою ладонь, огромную по сравнению с ее рукой.

– Даже не слегка, – с нервным смешком фыркнула она. – По крайней мере, я.

– Знаешь, я вообще-то подумал сначала, что это чья-то шутка.

– А я испугалась.

– А я думал, что ты страшная.

– А я думала, что ты старый и нудный.

– Что?

В его эмоциях отразилось такое удивление, что Сафира снова фыркнула, и они оба телепатически захохотали.

– А ты ничего, когда не важничаешь, – сказала она, поднимая сияющее лицо, намеренно задирая его. Льюча отреагировал мягкой улыбкой, прекрасно видя и ее эмоции, и настрой. Тем не менее, он сузил глаза и с нарочитой угрозой сверкнул взглядом:

– То, что я извинился, еще не означает, что тебе все можно.

– Да? И что, например, мне нельзя, эсте эс-Мыйя? – балуясь, словно ребенок, осведомилась Сафира, совершенно успокоенная тем, как он внезапно смягчился. Но ее жених закончил шутить так же внезапно, как начал.

– Например, нельзя лететь в Шейехар после того, как я не разрешил, – серьезно сказал он.

Его негромкий голос подействовал, словно ледяной душ. Сафира даже много позже не могла объяснить себе, что именно в интонации его голоса, который Льюча не повышал, подействовало на нее так сильно, но результат был налицо: все ее тело напряглось, голова сама собой

опустилась, и она испуганно замерла. Все-таки без последствий не обойдется. Он намеренно дал ей расслабиться, чтобы... чтобы что? Застать врасплох? Наказать ее? Отчитать?

– Сафи, – позвал он совсем уж негромко, и она несмело подняла взгляд, глядя на него так настороженно, что горианец немного изменил выражение лица:

– Ты что, боишься меня? – спросил он через паузу, стремительно закрывая эмоции – но не раньше, чем она успела почувствовать что-то неприятное.

Сафира снова опустила глаза и пожала плечами. Лгать было бы бессмысленно – ей действительно стало немного не по себе. Но понять точно, что она чувствовала, никак не удалось – поэтому и выходило, что сказать нечего.

– Пожалуйста, посмотри мне в глаза, – мягко, но настойчиво потребовал Люча.

Мотнув головой, она отступила. Настроение было испорчено. Встретив его здесь, она знала, что ей достанется за вылазку в Шейехар – но почему не сразу? Зачем надо было сначала обнимать ее, согревать, смешить? Разве это не подло – вот так вкрадываться в доверие?

– Сафи, – чуть резче позвал он.

– Ты не заставишь меня бросить учебу, – выпалила она, задирая подбородок. – Я знаю свои права, ты не можешь мне такое запрещать!

– Ты знаешь свои права? Неужели?

Серые глаза сузились и потемнели. Его голос теперь звучал еле слышно, но, казалось, это последняя секунда затишья перед взрывом.

– Да, я знаю свои права, – еле слышно, упрямо повторила она, стараясь изо всех сил держать блоки на эмоциях, но в отчаянии понимая, что они лишь немного приглушают ее чувство беспомощности, злость и страх.

\* \* \*

Сафира понимала, что здорово нервирует родителей, второй раз подряд возвращаясь со свидания заплаканная, но не находила в себе сил скрывать от них эмоции. У кого еще ей просить защиты? Больше никто на всей Горре не спасет ее.

Несмотря на позднее время, они оба ждали ее в гостиной – и оба обеспокоенно пытались понять, что произошло, когда Сафира буквально рухнула в материнские объятия, обильно орошая слезами ее линос. Ланиш сразу открыл бар и налил себе немного сяши, пока Авлина осторожно расспрашивала дочь, но в первые минуты она ничего не могла произнести.

– Он обидел тебя? Принуждал к чему-то? – гадала Авлина, глядя дочь по волосам. Сафира отрицательно потрясла головой и, к своей досаде, ощутила заметное облегчение в эмоциях Ланиша – тот за все ее детство ни разу не наказывал дочь, и ему явно неприятно было думать о том, что кто-то может сделать это, хотя для многих горианцев это было совершенно нормально.

Наконец, Сафира успокоилась, выпила несколько глотков воды, стуча зубами об стакан, поданный Ланишем, и сдавленным голосом прошелестела:

– Он сказал, что завтра позвонит в академию, чтобы меня отчислили. И еще... что я должна переехать к нему.

Родители переглянулись.

– Ты уверена, что правильно все поняла? – осторожно спросил Ланиш.

– Да. Да, он сказал, чтобы я собирала вещи, – возмущенно произнесла Сафира, наконец, получив контроль над своим голосом. Она вытерла слезы и замотала головой, подбирая под себя ноги:

– Он чокнутый. Я никуда не поеду.

– Вообще-то это даже неприлично, – негромко и очень растерянно заметила Авлина. – Я не могу понять, с какой стати он так решил. Вы поссорились?

– Нет. Он просто наехал из-за того, что я летала в Шейхар. А я просто сказала, что знаю свои права, – буркнула Сафира, уткнувшись взглядом в свои колени.

Родители снова переглянулись.

– А зачем ты летала в Шейхар? – спросил Ланиш. – Он ведь запретил тебе, разве нет?

– Но он не имел пра...

– Сафира, он твой жених. У него пре-сезариат, – перебил отец. – Дочь, ты что? Разве ты забыла, что такое пре-сезариат? Ты должна его слушаться.

– Но он не имеет права. Он не должен запрещать мне учиться.

– Ты хочешь поспорить о правах с уважаемым человеком, который вдвое старше тебя? С человеком, который служит непосредственно Величайшему, которого знает вся планета, у которого, наверняка, весь день расписан поминутно?

– При чем здесь это? – оторопело переспросила Сафира, удивленная явным неодобрением отца и молчанием матери.

– При том, что ему некогда с тобой спорить и следить, куда ты там полетела, вместо того, чтобы работать, – развел руками Ланиш. – И, насколько мне удастся понять, ты сама провоцируешь своего жениха на то, чтобы ужесточать дисциплину. Валяй, продолжай в том же духе – и он вообще тебя под замок посадит. Увидишь нас с матерью через два месяца в лучшем случае.

– Но я...

– Сафира, – мягко вклинулась Авлина. – Подумай, кто такой твой жених. Сколько ему силы духа и воли понадобилось для всех его достижений. Или ты всерьез полагаешь, что своими титулами и высоким положением он обязан исключительно крепости мускулов?

– Нет, я так не думаю.

– Хорошо. Теперь представь, насколько он силен. Не только физически. Ты серьезно вознамерилась с ним сражаться?

Мать смотрела на нее с каким-то сочувствующим и в то же время слегка снисходительным выражением. Сафира переводила взгляд с Авлины на Ланиша и не могла поверить, что все так обернулось. Что все против нее.

– И вы даже не подадите ни одной жалобы? – обреченно спросила она.

– Дочь, даже советник эс-Фарфе ничего не может сделать сейчас. Закон есть закон. Ваша помолвка продлится минимум два месяца, и до тех пор тебе с этим мириться, – сказал Ланиш, поставив свой бокал с сяши на столик. – А теперь давай-ка, иди спать. Завтра утром я поговорю с твоим женихом. Уверен, что он разумный человек, и нам удастся найти какой-то компромисс.

## Глава 4

Проснувшись рано утром, словно ее что-то разбудило, Сафира не смогла сомкнуть глаз. Она нехотя покидала вещи в дорожную сумку, все еще не веря до конца, что с ней такое происходит. Ее невыспавшийся мозг лихорадочно искал решение, выход из отчаянного положения, и, немного поразмыслив, она написала письмо советнику Яксину эс-Фарфе – сдержанное, не слишком эмоциональное, стараясь аргументировать свои доводы ссылками на правила помолвок.

Хотя, положа руку на сердце, реакции Сафира не ждала – она догадывалась, что Яксин давно привык к всевозможным жалобам от землянок и их женихов. Ей доводилось читать заметки в прессе о таких скандалах. Несколько лет назад, когда она была еще маленькой, даже выходили ужасные анонимные интервью с одним из женихов, который жаловался на свою невесту, прилетевшую с Земли взрослой и оказавшуюся недостаточно невинной для него.

Тогда, разумеется, Сафире никто не показал этой статьи, но когда она стала старше, наткнулась на тот ужасный материал в сети. Ей даже думать не хотелось, что должна была почувствовать та девушка, прочитав о себе такое.

Она догадывалась, что первым переселенкам с Земли на Горру пришлось гораздо тяжелее – у них, прилетевших взрослыми, не было времени адаптироваться к местным обычаям, заключить помолвки их вынудили почти сразу. Но эксперимент в результате закончился неплохо, все три землянки удачно вышли замуж: одна за врача, другая – за известного военного, а третья, к изумлению всей планеты, стала парой самому правителю Горры, Сезару.

Но ни с одной из этих женщин Сафира не была знакома. Опасаясь любой помехи для адаптации инопланетян, Сезар запретил земным детям общаться между собой, и это было одно из самых обидных правил, с которыми Сафире пришлось сталкиваться. Хуже было только правило об обязательной помолвке. Но в детстве это все казалось таким далеким и неопасным. Она была уверена, что лет до двадцати пяти ей не найдется пары, если не заполнять всех этих анкет.

Сафира отсылала в Центр помолвок только самые необходимые данные. Все, что предлагалось заполнить факультативно, она отвергала и наивно полагала, что этим защитит себя. Не помогло.

Опустившись на кровать, она яростно уставилась в стену. Как же он ее бесил! Неужели так трудно понять, что она никогда ему не подчинится, даже если он на самом деле посадит ее под замок и станет кормить только хлебом и водой?

Сафира догадывалась, чего добивается Льюча. Руководствуясь своей примитивной логикой горианца, он считает, что невеста должна отвечать жениху на каждую реплику только "да, как скажешь" – и так два месяца. А раз она отказывается это делать, значит, он имеет права творить любой произвол, какой придет ему в голову. Зря она дала ему понять, как важна для нее учеба. Он нащупал больное место и ударил по нему. А теперь еще хочет лишить ее свободы вдобавок.

Но если ее отчислят из академии – ей будет уже все равно, что бы он ни придумал дальше. Год ее усилий и подготовки, или даже больше, пойдет прахом. И на следующий год ей придется заново сдавать все экзамены и надеяться лишь на то, что ей не придет очередное предложение из системы от очередного узколобого типа.

Но что это было вчера, когда он только встретил ее? Сафира вдруг вспомнила его смеющиеся глаза и теплые ладони, поглаживающие ее замерзшие плечи. На несколько минут он стал совсем другим, и выяснилось, что Льюча может быть ласковым и добрым, и даже веселым. Он даже извинился перед ней, искренне, и хоть на десять минут, но они не были врагами.

Сафиру кольнула неприятная мысль: что, если это она во всем виновата? Просто она не достаточно хороша и противна ему. Он ведь пытался быть милым, на самом деле пытался – пока не вышел из себя. Может, если бы на ее месте была горианка, более симпатичная, более нежная и покладистая, Льюча вел бы себя иначе. Он бы отнес ее в застывшие и попытался бы поцеловать, ухаживал за ней и дарил подарки...

Подарки. Сафира снова ощутила неприятный укол в сердце. Все ее подружки в школе обтрещались об этих подарках. Еще одна горианская традиция, часть ритуала ухаживания. Женихи на каждое свидание приносили что-то маленькое и приятное – сладости, книжки, шарфики. Не дорогие, разумеется, – просто как знак внимания. И все невесты хвалились этими презентами друг перед другом, пытаясь угадать чувства своих женихов по цвету шарфика и жанру подаренного романа.

Льюча не подарил ей ничего. Не то, чтобы она ожидала этого – нет, вот и вспомнила случайно, только сейчас. Но теперь, вспомнив, Сафира вдруг поняла, что это ужасно обидно – остаться без подарков единственной из всех известных ей невест. "Выходит, я и правда хуже всех?" – мелькнуло в голове, и на ее глаза навернулись предательские глупые слезы.

\* \* \*

Худший жених на всей Горре. Нет, даже во всей планетарной системе. Землянка такого не заслужила, даже если это самая упрямая и невыносимая землянка на планете.

Раннее пробуждение вкупе с поздним засыпанием не способствовало улучшению его настроения.

Льюча накануне работал допоздна, но даже это не помогло ему заглушить досаду. Словно какая-то назойливая птица клевала ему в висок: "сорвался-сорвался-сорвался-слабак-слабак". Он обещал себе, что не будет упрекать ее за поездку в Шейхар. Он ведь уже решил, что не должен был запрещать ей учиться, что надо было договориться как-то иначе. Он хотел дать и ей, и себе передышку, договориться, немного ее успокоить после всего. И в результате сделал еще хуже.

Сафира, конечно, тоже хороша со своей задиристостью, но теперь он явно видел, что это больше из-за неловкости. Она просто не знала, как еще защищаться, а он снова стал запугивать вместо того, чтобы успокоить свою невесту, дать ей понять, что у него в жизни еще есть немало занятий помимо того, чтобы портить ей жизнь. Просто никто не смел так разговаривать с ним, как она, уже много лет.

В службе охраны офицеры предусмотрительно выбирали уважительный тон – от него, как они полагали, зависела не только их карьера, но и целостность конечностей, когда доходило до общих ежеквартальных тренировок и регулярной переаттестации. Домашние тоже давно подстроились под его характер – впрочем, с семьей он виделся не часто – они жили на большом удалении от столицы.

С друзьями они могли периодически зубоскалить, но даже друзья, как правило, думали дважды перед тем, как поддевать его – так уж повелось, что Льюча был главным, еще со школы. И на то была веская причина: он тренировался как безумный лет с четырнадцати и мог навалить любому, при желании – даже сразу троим.

Только вот этой пигалице не навалеешь. Ему до сих пор было стыдно, что он угрожал ей наказанием в уводе в первый день знакомства. И глупо – ему самому неприятно было пожинать плоды в виде ее инстинктивного страха. Повторять такое он не собирался точно – даже пальцем ее не тронет, если только она не бросится с кулаками.

Представив это, он хмыкнул. С этой вздорной землянки станется. Как быстро ее смущение превращается в ярость. Кулачки сжимаются, губы твердеют, и с них срываются задиристые фразы, которые, надо признать, раздражают.

И не совсем понятно, что с этим делать. Но понятно, что что-то делать надо. Еще пару дней назад Льюча готов был пустить всю эту глупую помолвку на самотек – думал, будет просто отбывать повинность, ходить на свидания, дарить дурацкие подарки, но теперь в его крови откуда-то взялся и забурлил азарт, и стало интересно, насколько шелковой ему удастся сделать эту ершистую вредину за пару месяцев?

Она ведь была не такой уж ершистой вчера, когда он обнимал ее. Она даже расслабилась и отвечала на шутки, пока он все не испортил. Что ж, значит, это надо исправить, решил он. Льюча не раз в жизни оборачивал свои ошибки в свою пользу и знал, что успех зачастую зависит именно от этого – насколько быстро успеешь исправиться, когда накосячишь. Потому что избежать промахов не удастся никому, а вот извлекать из них полезные уроки – дано не всем.

Кстати подумав об уроках, Льюча решил связаться с руководством морской академии Шейехара. В его должности заместителя главы службы охраны была масса недостатков, например, ненормированный график, нечеловеческие нервные и физические затраты, огромная ответственность. Но в ней также наличествовали неоспоримые преимущества. Одним из них была возможность получать услуги от руководителей практически любых учреждений и компаний на Горре – дружить с ним хотели буквально все.

\* \* \*

Прощание с родителями получилось скомканным и натянутым. В эмоциях матери Сафира читала растерянность, Ланиш держался очень спокойно и уверенно. Они о чем-то поговорили с ее женихом, но ее, естественно, ни один из них не собирался просвещать о содержании беседы.

На Льючу она даже смотреть не хотела. Он никогда прежде не был ей так неприятен, как в то утро. Ее переезд к нему с каждой минутой казался все более возмутительной и неприличной затеей. Щеки горели, и Сафира чувствовала себя наказанным ребенком, которого ставили в угол на виду у всех. Как в воспоминаниях из далекого раннего детства на Земле.

В детском доме было много наказаний, и каждое из них содержало какой-нибудь особенно унижительный компонент. Над стоявшим в углу было принято коллективно издеваться, например. Или был еще вариант – стоять в углу без трусов. Так обычно развлекались старшие дети, когда воспитатели уходили на пару часов по своим делам, заставляя их приглядывать за младшими. Тут уж они играли в воспитателей с изощренным усердием. И все знали, что жаловаться бесполезно. На раздевания, на тычки, на затрецины, даже на привязывание к кроватям.

Это знали даже самые маленькие, и каждый просто спасался, как мог. Кто-то старался не выделяться, не попадаться на глаза. Кто-то учился быть подхалимом. Сафира принадлежала к числу тех, кто старался не выделяться. На Горре она еще долго училась вызываться отвечать на уроках и проявлять какую-либо инициативу. Даже Ланиш, специально работавший с ней как психолог, далеко не сразу убедил ее, что это безопасно.

Некстати вспомнив о том, как стояла в углу без трусов, Сафира подумала, что ее жениху, этому авторитарному домостроевцу, наверняка понравились бы подобные наказания, ведь это гораздо унижительнее, чем просто отшлепать кого-то в уводе.

Она искоса взглянула на него, когда он подал ей руку на входе в транспортер. На миг ею овладело искушение демонстративно отказаться от помощи, но в последний момент Сафира не осмелилась. Свою "территорию" она всегда защищала отчаянно, но разжигать конфликты по своей инициативе не любила. Поэтому молча вложила руку в его огромную сухую ладонь и позволила проявить вежливость.

Льюча, казалось, совершенно утратил свою воинственность. Накануне под его сверкающим взглядом Сафире казалось, что ее жених буквально готов обрушить на нее все доступные ему кары, но сейчас его глаза не отражали ничего, кроме спокойствия и ровного тепла.

Со стороны даже могло показаться, что жених по уши влюблен и нежно ухаживает за своей невестой: он помог ей не только войти внутрь просторного транспорта, но и выбрал самое удобное место в глубине салона, и позаботился о ее вещах.

Опустившись рядом, он протянул ей небольшую коробочку, перетянутую яркой ленточкой.

– Это тебе, маленькая.

Прежде, чем взять коробку, Сафира бросила на него удивленный и, что там скрывать, немного испуганный взгляд. Подарок? Ей? Значит, он все-таки серьезно решил ухаживать?

Что ж, конечно, вчера она чувствовала горечь в связи с тем, что Льюча ничего не подарил ей, но она вовсе не ждала, что это вдруг изменится. И никак не могла решить, приятен ли этот подарок ей теперь, после всего, что между ними произошло.

– Она не кусается, – бесстрастно заметил Льюча, поскольку Сафира все еще смотрела на коробочку, не решаясь взять. И тогда, слегка покраснев, она быстро забрала свой подарок и, распустив ленты, открыла крышечку. С ее губ сорвался тихий невольный стон:

– Дьяма!

Это восхитительное лакомство, обожаемое почти всеми горианцами, мог себе позволить далеко не каждый. Стоимость коробочки, лежавшей сейчас на ее коленях, составляла примерно столько же, сколько ее карманные расходы за целый год. Это была вполне увесистая коробочка – столько даже не съесть за один раз.

– Надеюсь, не прогадал? – спросил Льюча, послав телепатическую улыбку. Но ее стон, конечно, уже все сказал ему, поэтому Сафира без слов потрясла головой и мгновенно отправила в рот кусочек пирожного, закрывая глаза, чтобы насладиться вкусом.

В первый и последний раз она ела дьяму лет в одиннадцать, когда Ланиш решил побаловать всю семью в честь выпускного старшей дочери. И с тех пор при одном слове "дьяма" у нее рефлекторно выделялась слюна, как и у всех, кто когда-либо держал на языке это лакомство, сделанное из перетертых листьев одноименного растения.

И еще, положив в рот первый кусочек, мало кто мог устоять перед искушением взять второй... и третий. И лишь четвертый раз запустив липкие от сладостей пальцы в коробочку, Сафира опомнилась.

– Ты хочешь? – смущенно спросила она, протягивая коробку с лакомством жениху. Но Льюча, к ее изумлению, равнодушно качнул головой:

– Нет, ешь сама. Не люблю сладости.

– Ты серьезно? – изумилась Сафира, во все глаза глядя на жениха. Она впервые видела человека, который без видимых причин отказывался от дьямы, да еще и купленной им самим.

– Да, серьезно, – на этот раз он улыбнулся. – Правда, не люблю.

– Невероятно, – пробормотала она, но втайне испытала искренний восторг, поскольку на самом деле вовсе не хотела ни с кем делить свою коробку сладостей. Должно быть, в ее эмоциях что-то выдало эти чувства, потому что Льюча мгновенно послал ей телепатический смех:

– Жадина!

Сафира метнула в его сторону смущенный взгляд, но самоирония победила, и она тоже засмеялась:

– Я очень люблю дьяму.

– Я куплю тебе еще, если захочешь, – сказал Льюча.

– Не стоит, это же дорого, – ответила она, но тут же поняла, что сморозила глупость. В ответ на легкое удивление в его эмоциях к ее щекам прилила кровь.

Замечательно, расстроилась Сафира про себя: теперь она еще и подчеркнула финансовую несостоятельность своей семьи по сравнению с ним. Ведь, разумеется, для ее жениха расход на коробку дьямы не представлялся значительным.

Льюча молча наклонил голову, изучая ее взглядом, и Сафира потеряла аппетит. Она осторожно закрыла коробочку крышечкой, и тут транспортер пошел на посадку.

Для них сделали специальную остановку по требованию на плато огромной скалы, где на разных ярусах располагались квартиры тех, для кого полеты служили основным способом передвижения. Но не только крылья требовались тем, кто покупал жилье здесь – еще и деньги. Много денег.

Обернувшись вокруг своей оси, Сафира почти сразу сообразила, где находится. Горакорабль, единственная в своем роде, одна из самых крупных в городе. Она выглядела как нос корабля с приподнятым кверху уголком. Горианцы называли ее торт-скала, потому что треугольник с другого ракурса походил на кусок торта, а расположенная рядом полукруглая скала только усиливала сходство.

Но Сафира, впервые увидевшая ее именно с такого ракурса, навсегда запомнила ее как корабль. Возможно, на ее суждение повлиял тот факт, что последним фильмом, который она посмотрела на Земле, тайком от взрослых, был "Титаник", и эта скала всегда навевала грустные впечатления о смерти несчастного героя Ди Каприо. Что ж, наверное, неудивительно, что этот печальный для нее объект служил жилищем ее не слишком приятного жениха. Пожалуй, по-другому и не могло быть, мрачно подумала она, проходя за Льючей внутрь.

Едва они скрылись в глубине скалы от солнца, как повеяло прохладой, и Сафира даже поежилась. Но мерзнуть было некогда – приходилось шагать за женихом, который шел довольно быстро, с виду нисколько не отягощенный весом ее сумок, которые она самостоятельно даже не смогла бы поднять. В этих сумках находилась вся ее жизнь: и одежда, и несколько пар обуви, и косметика, и электронная аппаратура – она собиралась основательно, поскольку не желала остаться запертой в чужом доме без любимых вещей.

Коридор уходил далеко вглубь скалы, и они шли довольно долго, прежде чем Льюча толкнул одну из дверей, облицованных гранитом под цвет стен – почти неразличимую на их фоне. Пожалуй, она могла бы вообще не заметить эту дверь, если бы он не открыл ее.

– Проходи, – предложил он, пропуская ее внутрь, и Сафира робко пересекла порог. С каждой секундой она ощущала все больше неловкости. Ей воспитали так, что для юной девушки нахождение в доме у холостого мужчины недопустимо, тем более, наедине с хозяином. Горианцы строго относились к любым ситуациям, которые могли создавать атмосферу для доброго физического контакта.

Правда, для помолвок строгий режим ослаблялся. Сафира понимала, что объятия и поцелуи допускаются для обрученных. Но все же этим никто не занимался дома. Для таких вещей невесту просто приглашали на вечерние свидания – в городе хватало безлюдных мест, где можно было вдоволь наобниматься. Строгие правила объяснялись трагическим опытом нескольких "случайных" слияний между парами-телепатами, которые поспешили... и заплатили за это жизнями.

Вступить в слияние с нелюбимым партнером – почти гарантированный суицид, это знали все горианцы. Телепатическая близость с чужим по духу, нелюбимым по-настоящему человеком очень быстро сводила с ума. И все же от соблазнов не был застрахован никто, как и на Земле.

Замерев посреди просторной и очень темной гостиной с занавешенными окнами, Сафира отчетливо ощутила, как сердце ускоряет темп. Все ее тело напряглось, испытывая одно-единственное желание: бежать. Если этот тип, который принудил ее переехать сюда, пожелает принудить ее к чему-то еще...

От хлопка двери Сафира вздрогнула и невольно отступила на шаг, в панике глядя ему в лицо. Эмоции закрыты... не удивительно. Зачем ему открываться, если можно этого не делать? Особенно если он задумал как-то отомстить ей за непослушание.

Нервно сглотнув, она сделала еще шаг назад, ощущая себя на грани срыва. Даже понимая, что в голову лезут какие-то глупости, и что ее жених, если и псих, то не настолько, она никак не могла овладеть собой. И от этого почувствовала себя еще хуже и беспомощнее.

– Прости, – негромко произнес Льюча, бросив на нее косой взгляд. Он поставил вещи и быстро сделал несколько шагов к окну, в противоположном от нее направлении, а затем рывком поднял вертикальную занавеску. Пройдя по кругу, хозяин дома сделал то же самое с каждым окном – и напугавшее ее наваждение исчезло.

Глубоко вздохнув, словно очнувшись от кошмара, Сафира осознала себя стоящей посреди уютной и очень светлой полукруглой комнаты с восемью окнами, несколькими диванчиками, красивыми чайными столиками и изумительной красоты книжными полками с самыми настоящими книгами из ткани – раритетом на Горре, где бумажное производство толком никогда не было налажено, документы печатались на газетном пергаменте ужасного качества, а книги – в основном на ткани. И стоили они довольно дорого даже в "золотые" времена книгопечатанья, не говоря уже о нынешней эпохе электронных книг.

– Здесь бывает довольно жарко в солнечные дни, поэтому я закрываю все, уходя. Не хотел тебя пугать, – серьезно пояснил Льюча, глядя ей в глаза.

Сафира опустила ресницы, не выдержав взгляда. Ей не хотелось бы, чтобы он понял, какие глупые мысли приходили в ее голову – но он, кажется, понял. И шагнул навстречу, остановившись на расстоянии вытянутой руки:

– Сафира, я понимаю, что поставил тебя в неловкую ситуацию, и это не было моей целью. Поэтому я должен кое-что сказать прямо сейчас.

Его тон звучал так официально и серьезно, что ее сердце тревожно заколотилось. Опасаясь услышать что-то неприятное, она подняла настороженный взгляд, но ее жених смотрел мягко:

– Я должен пообещать тебе, что до самого окончания помолвки не дотронусь до тебя внутри дома. Ты можешь не опасаться этого.

Залившись краской, Сафира мгновенно вновь устала в пол. Ей хотелось провалиться сквозь него – зачем он говорит это? Неужели он не понимает, как это смущает? Впрочем... отдышавшись, она ощутила облегчение. Он не коснется ее. Он обещал, а как бы там ни было – Льюча эс-Мыйя производил впечатление человека, который выполняет обещания. Значит, она действительно в безопасности.

## Глава 5.

Пару часов ей удалось провести наедине с собой, сославшись на необходимость разобрать вещи. Льюча согласился с этим, хотя они оба знали, что ей не нужно столько времени, чтобы развесить одежду в шкафу и расставить косметику по полочкам в ванной.

Хотя устраиваться было приятно – спальня оказалась гораздо просторнее ее комнаты дома, а ванная была просто роскошной – розовый гранит, изумительной красоты душ с десятком разных режимов, переливающийся разноцветными кнопками. А еще в ее новой комнате даже было специальное место для чтения – уютный диванчик с мягкими подушечками и очень красивым ночником рядом.

Сафире не хотелось покидать это прекрасное место, как и вспоминать, в чьей квартире эта комната располагается. Но Льюча все же заявил, что специально взял выходной, и остаток дня они проведут вместе, так что, в конце концов, ей пришлось выбираться наружу. Она еще плохо ориентировалась в его огромной квартире, и даже боялась заблудиться, но, к счастью, гостиная нашлась довольно быстро – а в ней и ее жених с коммуникатором в руке.

Какое-то время Сафира удивленно смотрела на него – потому что Льюча, небрежно развалившийся на диванчике в коконе из собственных крыльев показался ей на несколько мгновений кем-то другим. Домашний и уютный вид этого человека вызвал у нее ступор и когни-

тивный диссонанс: он всегда казался таким строгим, собранным и натянутым, как струна, что она не могла и представить своего жениха расслабленным.

Оказалось, что и такое возможно. И вот он лежит, закинув одну щиколотку на другую, и из-под его темных спортивного вида штанов торчат голые ступни. Уставившись на длинные пальцы, Сафира даже на секунду задумалась, какой он носит размер обуви и не приходится ли ему шить ее на заказ – ведь даже среди огромных, по сравнению с землянами, горинцев-мужчин, Льюча выделялся и ростом, и размером.

Заметив свою невесту, он неуловимо быстрым, гибким движением поднялся и снова стал "натянутым". Превращение произошло так быстро, что Сафире даже показалось, будто расслабленно лежащий Льюча был плодом ее воображения, переполненного напряжением, глупыми страхами и новыми впечатлениями.

– Ты обустроилась? – осведомился он без каких-либо определенных эмоций.

– Да, благодарю. Это очень красивая комната, – сдержанно ответила она.

– В ней пару раз останавливалась моя сестра. Она ее и обставила.

– У нее замечательно получилось. Твоя семья живет в другом городе?

– Да, не близко. Но они иногда приезжают в гости.

– Они знают, что ты помолвлен? – вырвалось у нее. Через секунду под его внимательным взглядом Сафира уже ругала себя, на чем свет стоял. Она не могла понять, зачем задала этот вопрос. Словно ее волновало, о чем он рассказывает своей семье. Такие вопросы задают, чтобы уточнить серьезность намерений, но ведь он уже ясно дал понять, что не считает эту помолвку перспективной. Как, впрочем, и она сама.

– Нет, – коротко ответил он, посмотрев в сторону.

Сафира раздула ноздри. Да что это с ней? Почему ей вдруг стало обидно это услышать? Разумеется, он скрывал факт своей помолвки с землянкой от близких. Но не потому, что она землянка, а потому что это принудительная помолвка. Она бы тоже скрыла, если бы жила отдельно от родных, и если бы ее отцу не надо было передавать пре-сезариат. Если бы она только могла...

– Хочешь чего-нибудь выпить?

– Да, сока или воды, если можно, – кивнула она, села на диванчик рядом со столиком, на котором забыла коробочку с дьямой и, пока Льюча стоял спиной, наливая сок, украдкой выхватила из нее пирожное и сунула в рот. Но прожевать не успела.

– Ты любишь тхайи? – спросил он, поворачиваясь к ней со стаканом. От нее не укрылась некая неловкость его действий: сначала налил сок, а потом уже решил осведомиться о ее предпочтениях. Но это ни в какое сравнение не могло идти с тем, как глупо выглядела она, застигнутая врасплох с набитым ртом. Льюча ждал ответа несколько секунд, прежде чем понял, в чем дело – и отреагировал на это телепатическим смехом:

– Открой коробку и ешь – хоть все сразу, маленькая обжора, – сказал он, пересек гостиную и поставил перед ней стакан сока.

– Ты, правда, не хочешь? – спросила она, когда прожевала все, что было во рту.

– Правда. А ты, правда, все это съешь за раз?

– Хочешь поспорить? – весело спросила она, примеряясь к новой порции лакомства.

– Нет. Не хочу, чтобы тебе стало плохо, – серьезно ответил он.

– Думаешь, я настолько упряма, чтобы объесться до полусмерти в стремлении выиграть спор?

– Думаю, да.

Телепатически получив подтверждение его искренности, Сафира подумала, что, возможно, Льюча и не ошибся. Она знала, что иногда проявляет недостаточно гибкости, и это доводит до неприятностей, таких, как ссоры с друзьями. Вот только ее упрямство так часто

выручало ее в детстве, спасая от более ужасных вещей, что на Горре она так и не смогла отказаться от привычной модели поведения.

– Я не идиотка, чтобы ты там ни думал, – тихо буркнула она.

– Этого я не утверждал, – дипломатично возразил Льюча, отхлебывая сок из собственного стакана. Он снова немного расслабился, и теперь перед ней снова сидел тот человек, которого она застала, зайдя в гостиную, – кто-то очень спокойный, не опасный, даже уютный. В мгновение ока решившись, словно ее осенило, Сафира выпалила:

– Льюча, пожалуйста, не запрещай мне учиться. Не проси, чтобы меня отчислили. Это очень важно для меня.

Иногда с ней такое бывало. Она долго упрячилась, а потом просто делала то, что казалось разумным, несмотря на упрямство и гордыню. И зачастую это помогало. Конечно, перед тем Льючей, с которым она спорила вчера вечером, просто невозможно было стать такой уязвимой, но сегодня он казался совершенно другим... пусть даже это ей только казалось. И Сафира внезапно поняла, что может сказать то, что нужно.

Вот только ее сердце как будто совсем не билось в ожидании его ответа, и дыхание замерло на губах. Если он посмеется над ней и ответит какую-нибудь резкость, она запустит в него стаканом. Ее пальцы уже сжались на тонком стекле. Изящная вещица, но увесистая. Может здорово врезать ему по башке, если она попадет.

– Я поговорил с ректором твоей академии, – медленно сообщил Льюча, и Сафира даже приподняла стакан с соком. Ее сердце вновь забилося, и сразу в учащенном ритме. Пусть только попробует сказать, что она отчислена. Стакан будет только началом. В конце концов, она и вон ту вазочку со сладостями может бросить. И, если подумать, то и лампу. Она наверняка тяжелая, но Сафира не зря тренировалась год для экзаменов – как-нибудь справится.

Льюча остановился, явно сканируя ее эмоции, и его брови сдвинулись.

– И? – не выдержала она, сжимая стакан так, что он едва не лопнул.

– Ты будешь заниматься дома, под моим наблюдением, по той же программе, что и твои сокурсники. До тех пор, пока врачи не дадут разрешение вернуться к обычному режиму, – сказал Льюча. – А можно узнать, с чем связана эта агрессия в твоих эмоциях?

– Я думала, меня все-таки отчислили по твоей просьбе, – призналась она.

– И что ты планировала предпринять? – насмешливо спросил он. – Запустить в меня стаканом сока?

Ответ он прочитал по ее смущенным эмоциям и лицу, но, вопреки ее ожиданиям, рассмехался:

– Я бы успел отшлепать тебя за это еще до того, как стакан сока коснулся пола или стены.

Ты бы в жизни в меня не попала.

– Хвастун, – огрызнулась она.

– Хочешь попробовать?

Глядя на его самодовольную физиономию, Сафира покачала головой. Она и в самом деле забыла обо всем, злясь на этого человека, – даже о его боевых навыках и реакции. На соревнованиях немногие профессионалы могли уследить за его движениями, чтобы оценить четкость того или иного приема. Казалось, он двигался втрое быстрее, чем любой соперник, кроме буквально трех-четырех человек на планете, которые могли составить ему конкуренцию.

– Хорошо, – негромко сказал Льюча и поднялся, – как насчет небольшой прогулки перед тренировкой?

– Ты серьезно собираешься меня тренировать?

– Да.

– Я не уверена, что...

– У тебя нет выбора.

– Я слышала, от тебя все подчиненные воют в службе охраны. Я вовсе не хочу...

– Я не собираюсь выжимать из тебя все соки, – засмеялся он. – У меня твоя программа, и мы будем тренироваться в соответствии с планом. Так ты хочешь учиться или нет?

Сафире ничего не оставалось, как сдаться под его вопросительным взглядом, хотя то, что она читала о его тренерских качествах, не оставляло надежды на лучшее. С другой стороны, она ведь девушка, и он должен будет это учсть, разве нет?

Пару часов спустя, лишь один из которых они потратили на прогулку, Сафира не могла понять лишь одного: почему она все еще жива? Хотя, пожалуй, в голову приходил еще один, не менее интересный вопрос: почему она все еще выполняет его команды вместо того, чтобы просто отказаться дальше истязать свое тело невыносимой для него прежде нагрузкой?

Ответ, впрочем, лежал на поверхности: с первых же минут тренировки она начала ощущать наслаждение. Невероятное наслаждение человека, который за свою жизнь провел бесчисленное количество часов в спортзале, пытаясь самостоятельно кое-как добиться мало-мальских результатов, а после этого внезапно попал в руки профессионала.

Настоящего профи, который буквально по мановению руки расставил все по местам: дыхание, движение, темп, положение каждой части тела на каждом этапе упражнений и, самое главное, состояние ума. Льюча начал с того, что попросил ее показать обычный комплекс ее упражнений и сразу начал поправлять в деталях. Возможно, так художник правит недоделанную картину: мазок тут, несколько штрихов там... впрочем, она совсем не разбиралась в искусстве, а желание подыскивать метафоры очень скоро отпало, как и способность думать вообще.

– Где ты витаешь, Сафира? – строго спросил ее новый тренер в самом начале тренировки.

– Извини.

– Ты должна быть или здесь, или нигде. Второе лучше, – без тени иронии сообщил ей Льюча.

– Боюсь, что я не настолько хороша в контроле за мыслями, – честно ответила Сафира, нервно оглядываясь по сторонам без особой нужды. К тому времени она уже достаточно осмотрелась в просторном спортивном зале, который занимал едва ли не четверть всех огромных апартаментов Льючи, но от нервозности ей не хотелось смотреть на него, поэтому ее взгляд снова и снова скользил по стенам и оборудованию для всевозможных упражнений.

– Просто нужно подобрать темп. Попробуй немного ускориться.

Через полчаса она привыкла к тому, что он то и дело просит то ускорить, то замедлить темп – и, к своему изумлению, поймала себя на том, что действительно ни о чем не думала в течение довольно продолжительного времени. Состояние приятного транса, придающего дополнительную энергию для занятий, она смогла осознать лишь, когда вышла из него. А в реальность Сафира вернулась потому, что краем глаза заметила, как Льюча снял рубашку.

Он делал часть упражнений вместе с ней, и было заметно, что при этом вкладывал много энергии в то, чтобы контролировать каждое ее движение и подсказывать все необходимое. Фактически, он не умолкал ни на минуту, но, вопреки ее ожиданиям, его команды и подсказки не раздражали. Напротив, его негромкий голос затягивал, и его хотелось слушаться – особенно, когда Сафира поняла, как реагирует ее тело.

Всего несколько изменений в ритме дыхания – и она смогла выполнить вдвое больше разминочных упражнений с вдвое меньшими затратами. Обычно после длинной разминки она растрчивала, по собственным прикидкам, около четверти всего объема энергии, необходимого для тренировки, а на тренировке с Льючей ей, наоборот, показалось, что разминка придала какой-то дополнительный заряд.

Когда он проработал с ней каждое упражнение, совместив все движения со вдохом и выдохом, ей стало еще легче, словно ее тело сбросило часть веса, а мышцы укрепились. А потом несколькими меткими замечаниями он помог ей исправить физические недочеты – недостаточные наклоны, излишние прогибы, угол подъема.

Некоторые правки взваливали на мышцы дополнительную работу, другие обеспечивали безопасность шее и коленям и этим, наоборот, снимали напряжение, третьи убирали излишнюю нагрузку с позвоночника. А все вместе вызвало изумительное, потрясающее ощущение, что ее тело "вернулось домой", и впервые за всю жизнь делает все правильно и с максимальной эффективностью.

Возможно, именно поэтому она ни разу не пожаловалась на усталость и боль в мышцах, полагаясь на то, что он сам знает, когда закончить тренировку. Но, похоже, ее жениха тоже охватил азарт, как и ее – их совместная работа длилась уже более часа.

Очевидно, в какой-то момент Льюча просто вспотел и решил охладиться, когда машинально стянул рубашку и слегка отвел крылья от спины, но это заставило Сафиру сбиться с темпа, и она невольно уставилась на вызывающе сильно накаченные мускулы его груди. Загорелая кожа еле заметно увлажнилась от пота – разумеется, с него не лило, как с нее, но легкого поблескивания влаги оказалось достаточно, чтобы задержать взгляд.

И тут ее тело, получившее непривычно сильную нагрузку, потребовало передышки. Сафира буквально сползла с тренажера, тяжело дыша и все еще не отрывая взгляда от оголенного торса и кубиков пресса.

– Ну что? Никогда не видела мужской груди? – Льюча развел руки, неодобрительно глядя на нее, прервавшую упражнение без его разрешения.

– Честно говоря... – Сафира, наконец, отвела взгляд и смущенно повела плечами, невольно осматривая собственное тело, к которому прилипла мокрая от пота форма. Ее волновало, что ее соски могут просвечивать сквозь ткань, но, к счастью, она была достаточно плотной.

– Да ладно, – Льюча приблизился на пару шагов и наклонил голову, пытаясь поймать ее взгляд, – что, правда не видела?

– Где, например, я могла такое увидеть? – спросила Сафира, раздувая ноздри от гнева: он нарочно смущал ее дурацкими вопросами! Разумеется, она насмотрелась на мужские тела друзей в бассейне, каждый мускул которых был обтянут купальными костюмами – но ведь не на голые же! Гольшом ей негде было их увидеть – и, наверное, это к лучшему.

– И никогда не летала с мальчиками в Застывшие? Не целовалась тайком? – продолжал веселиться Льюча, не скрывая любопытства и удивления.

Сафира скрипнула зубами. Многие девочки так делали – казалось, так делали все, кроме нее. А ее просто никто не приглашал – или приглашали в такой оскорбительной манере, что ей и в голову не приходило соглашаться. Если с ее одноклассниками мальчики обращались вежливо и тайком трогательно ухаживали, то ей обычно доставалось нечто вроде: "Эй, земляночка, прокатить до Застывших?", сказанное громко на виду у всех.

И громкий ржач в спину. Все это, конечно, было безобидно, и говорившие это вовсе не имели это в виду и, конечно, не ждали всерьез, что она с ними полетит. Наверняка, они даже не хотели ее обидеть по-настоящему, просто выпендривались друг перед другом. Вот только слышать это в третий, четвертый, пятый раз было очень даже обидно, особенно с учетом того факта, что она едва ли не единственная во всей школе не целовалась. Иногда даже до слез обидно.

– Сафира, – позвал Льюча немного другим голосом, и она очнулась, вздрогнув. Пряча от него глаза, она буркнула:

– Я в душ, – и пулей вылетела из зала, оставив недоумевающего жениха позади. Его требовательный голос настиг ее у выхода:

– Сафира, немедленно вернись.

– Я больше не могу, извини, – выдавила она изменившимся голосом и сбежала.

– Мы больше не будем прерывать тренировки таким образом, – кипел Льюча, поджидавший ее на пороге спальни после того, как она приняла душ и переоделась. – Тебе надо было

сделать еще несколько упражнений, чтобы правильно закончить. Теперь у тебя будут болеть все мышцы, это очень глупо, Сафира.

– Извини, – кротко ответила она. И, не удержавшись, добавила, – ты просто сбил меня своим неожиданным оголением.

– Не знал, что тебя заклинит от вида моего пресса, – огрызнулся Льюча, все еще недоверчиво и неодобрительно глядя на нее, – в следующий раз разденусь сразу и дам тебе поглазеть вдоволь.

– Главное, не раздевайся полностью, – парировала Сафира, задирая подбородок, – зрелище волосатых ног меня не прельщает.

Льюча стоял совсем рядом, почти нависая над ней, но не касаясь. Они оба знали, что он ни за что не нарушит обещания и не коснется ее. Так что Сафира чувствовала себя в полной безопасности, и это сообщало ей дополнительную дерзость.

– Постараюсь держать себя в руках, – суховатым тоном ответил он, но в его открытых эмоциях переливался смех. Сафира робко улыбнулась – было похоже, что он пребывает в хорошем расположении духа и теперь уже спокойно воспринимает шуточную перепалку. В ее груди разлилось тепло.

– Спасибо тебе за тренировку, – искренне поблагодарила она. – Мне очень понравилось.

– Хорошо. Тем более что это еще не все, – сообщил Льюча. И, в ответ на ее изумленный взгляд, пояснил, – вечером полетим в Застывшие и позанимаемся дыханием. Ты дышишь как загнанный вуплик.

Обедать они отправились в городское кафе. В первое мгновение, когда они вышли вновь на посадочную площадку, Сафира пыталась разглядеть на горизонте приближающийся транспорт, но когда Льюча опустил на одно колено, сообразила, что в качестве транспорта он предлагает самого себя.

– погоди, я так не могу, – вырвалось у нее.

– Почему? У тебя фобия? – спросил он, изумленно уставившись на нее. Сафира смутилась. Бояться полетов на Горре считалось таким же нелепым, как бояться ходьбы. А для девушки из крылатой семьи это глупо вдвойне.

– Нет, конечно. Просто... я давно так не летала, – призналась она.

– Хорошо, обещаю не рисовать в воздухе восьмерок.

Ей ничего не оставалось, как осторожно опуститься на его спину и позволить пристегнуть себя ремнями. Льюча сделал это так быстро и умело, что Сафира даже не успела глазом моргнуть, как он уже раскрыл крылья и прыгнул со скалы. На секунду захватило дух, как в детстве, когда отец катал ее. Но это было так давно – последний раз ей было лет четырнадцать. Разумеется, с тех пор она еще много раз летала с переносчиками, крылатыми горианцами, работа которых заключалась в том, чтобы доставлять бескрылых до мест, куда ногами не дойдешь.

Но это было совсем другое – ведь переносчики всегда летали очень аккуратно и никогда вот так не прыгали, например.

– Ты в порядке? – осведомился Льюча, слегка повернув голову, когда набрал скорость.

– Да. Спасибо, – ответила она, борясь с желанием уткнуться носом в его шею. К его телу было ужасно приятно прикасаться, и запах, исходивший от ее жениха, ей очень нравился. Собственно, именно это было основной причиной ее колебаний на площадке – но не могла же она сказать, что чувствует неловкость из-за того, что ей нравится его тело?

Разумеется, ей нравится – Льюча эс-Мьийа нравился сотням, тысячам женщин на Горре, и она такая же, как все. Вот только она-то с ним помолвлена, и по негласному соглашению между ними эта помолвка не должна рассматриваться всерьез. Поэтому ей никак нельзя поддаваться этому глупому желанию прижаться щекой и вдыхать его запах, наслаждаясь теплом соприкосновения и ровными взмахами крыльев, основания которых приподнимались прямо под ее животом и грудью.

После прилета с Земли Сафира долго еще удивлялась, глядя на людей в воздухе. Она каждый раз забывала, что сила притяжения на Горре намного меньше, и вес людей тоже, что и делает полеты реальностью. Ей все казалось, что каждый взлетающий вот-вот рухнет, как это непременно произошло бы на Земле, где никакие крылья и никакая техника полета ни за что не удержали бы человека даже в одном метре над землей – не то, что выше.

Но вскоре она привыкла, и страх полностью ушел – наоборот, ей нравилось. По крайней мере, когда она была ребенком. Позже Сафира охладела к полетам, и уже не видела в этом ничего более особенного, чем поездка на транспортере. Другое дело – погружения в воду. Дайвинг манил и притягивал. При одной мысли о долгожданном нырянии все ее тело наполнялось предвкушением. Каждая тренировка, каждое упражнение нацеливалось лишь на одно – как можно лучше научиться нырять.

– Ты любишь полеты? – спросила она, подумав, что Льюча, должно быть, испытывает нечто особенное от этого дайвинга в небе, как она от погружения в море.

– Да, конечно, – отозвался он, немного подбирая одно крыло, чтобы повернуть.

– А ты, правда, умеешь рисовать восьмерки или пошутить?

– Правда. Показать?

– Нет! – взвизгнула она с таким искренним ужасом, что Льюча даже затрясся от смеха.

– Не бойся. Это запрещено делать с пассажирами, и я, к тому же, не умалишенный.

– Не смешно, – обиделась Сафира, когда отошла от приступа настоящего ужаса.

– Не дуйся.

– Ты напугал меня до смерти!

– А ты меня оглушила на одно ухо. Постарайся не орать во второе, я должен хоть что-то слышать, пока мы в воздухе.

После приземления Сафира выглядела еще немного взъерошенной – и Льюча слегка насмешливо поглядывал на нее, пока они шли к выбранному им месту. Ей хотелось сердиться на него, но получалось плохо. Приходилось признать, что ее жених вовсе не был лишен обаяния, и она довольно быстро таяла от его шуток, внимания и заинтересованных взглядов – пусть даже он интересовался ею не совсем так, как интересуются по-настоящему привлекательными девушками.

Они шли по улице, напоминаяшей любую другую из тех, по которым часто ходила Сафира в пригороде, где жила ее семья. На пару мгновений она даже забыла, что они находятся на ладони огромной скалы, вознесенной на немалую высоту. Весь центр столицы состоял из таких "облачков", как их называли местные, а на самом деле – искусственно расширенных горных плато, расположенных на разной высоте.

Та, на которую они прилетели, была так велика, что далеко не со всех точек на ней были видны края – взлетные площадки, оттого и создавалось впечатление, будто они на земле. Впрочем, здесь толпилось слишком много крылатых людей – Сафире даже показалось, что она одна среди них бескрылая. От этого стало немного неуютно, как и от того, что многие откровенно глазели на них.

Такого внимания к себе она не чувствовала давно – отвыкла, и это было также неприятно, как в детстве, когда она только-только прилетела и горианцы с любопытством изучали инопланетянку.

– Ты в порядке? – спросил Льюча, почувствовав негативные эмоции.

Сафира снова поймала чей-то взгляд – подросток. Он жестом привлек внимание своего друга и указал на них с Льючей. Теперь и второй уставился на них.

– Не люблю, когда все смотрят, – пробормотала она, и неожиданно ее "накрыло". Такое с ней случалось всего раза три-четыре за всю жизнь. Первый раз – когда она была совсем маленькая. Ее задразнили в столовой детского дома, она не смогла ответить, и тогда обидчик стал бросать в нее шариками из хлеба. Очень быстро к забаве присоединилось несколько детей.

А она просто впала в ступор и не могла пошевелиться. Потом на Горре ей сказали, что была травма, и что ее вылечат.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.